ВОЙНА ЗА ПРАВДУ.

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА?

ЧТЕНІЯ

для фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Бориса Назаревскаго.

Изданіе Комиссіи по устройству общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ города Москвы.

МОСКВА.
„Русская Печатня" Б. В. Назаревскаго. Москва, В. Садовая, д. 14.
1915.

ИЗДАНІЯ

Комиссіи по организаціи общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы.

Складъ изданій въ д. № 25 по Долгоруковской улицѣ.

Телефонъ 102-49.

Книгъ и брошюръ, отмѣченныхъ знакомъ *, въ продажѣ не имѣется.

I. **Рѣчи** къ рабочимъ: * 1. *Высокопр. Владиміра,* митр. Моск. и Колом. при открытіи чтеній для раб. 16 іюня 1902 г. * 2. Свящ. *Фуделя I.,* „Св. Русь"— по тому же поводу. * 3. *Преосв. Парѳенія,* еписк. Мож., въ 1-ю годовщину чт. и при друг. случаяхъ. * 4. *Архим. Анастасія*—Доброе слово моск. рабочимъ по поводу пріема Его Величествомъ депутаціи отъ петерб. рабочихъ 19 января 1905 г. * 5. Неоцѣненной памяти мученически скончавшагося Велик. Кн. Сергѣя Александровича. * 6. *Высокопр. митр. Владиміра*—предъ началомъ чт. въ 1905—6 уч. г. 7. Предъ выборами въ 1-ю Госуд. Думу, ц. 10 к. 8. *Назаревскаго В. В.*—Предъ выборами во 2-ю Госуд. Думу, ц. 5 к. 9. *Воронова Л. Н.*—„Пора за дѣло", по тому же поводу, ц. 15 к.

II. **Чтенія по догматическому богословію** въ 1—28 выпускахъ, объемъ кажд. ок. 1—2 печ. л., ц. отъ 5 до 20 к., за всѣ 2 р. 72 к. Представляя въ совокупности популяр. въ апологъ. направл. изложенн. курсъ христ. богословія, каждый отдѣл. вып. заключ. въ себѣ законченн. раскрытіе того или друг. отд. вопроса. Напр., вып. 1: *свящ. Любимова Н.*—О разумномъ усвоеніи истинъ вѣры и разумномъ позн. Бога въ природѣ, ц. 10 к.; вып. 2: *свящ. Архангельскаго П.*—О Богѣ и Его свойствахъ, ц. 8 к.; вып. 11: *свящ. Ѳаворскаго А.*—Библія: Св. книги ветх. зав., ц. 10 к.; вып. 12: *Струженцова М.*—Библія: Св. кн. нов. зав., ц. 20 к. и т. д. Ученіе о таинствахъ церков., съ вступит. чтен. о благодати, изложено въ 21—28 вып., ц. за эти 8 вып. 81 к. *Богословскаго С. Д. свящ.*—„Откуда произошли міръ и человѣкъ" вып. 1, 128 стр. съ рисунками, ц. 45 к. Вып. 2-й, 128 стр. съ рис., ц. 35 к.

III. **Нравственное христіанское ученіе** въ 1—7 выпускахъ, содерж. по нѣскольку чтеній разныхъ духовн. лекторовъ. Выпуски 1, 2 и 3 по 82 стр., ц. каждаго по 30 к., вып. 4 въ 140 стр., ц. 50 к., вып. 5, 6 и 7 въ 61—76 стр., ц. каждаго по 20 к. За весь курсъ 2 р. При законченн. каждаго чтен. и вып. въ отдѣл. всѣ вмѣстѣ они имѣютъ послѣд. и систем. характ., изложены примѣн. къ пониманію простонароднаго читателя и съ обращ. преим. вним. на вопросы, возбужд. почему-либо въ посл. время особый интересъ. *Звѣрева А.*—„Любовь къ ближн. въ первен. Церкви Хр.", ц. 8 к. *Свящ. Богословскаго С.*—„О Богѣ и Жизни", ц. 8 к.

IV. **Евангельская исторія.** 1. *Струженцова М.*—Рождество Христово. Съ 10 карт. въ текстѣ и 1 геогр. картой, ц. 25 к. *Его же*—Отъ Геѳсиманіи до Голгоѳы страданія Госп. наш. I. Хр. и Его крестн. смерть, съ 29 карт. въ текстѣ и 5 худож. виньетк., ц. 60 к. *Его же*—Свѣтлое Христово Воскресеніе, съ 20 картин., ц. 35 к. Брошюры эти составл. подъ руков. святоотеч. твор. и съ помощ. новѣйш. русск. и иностр. пособій, иллюстраціи представл. собой снимки съ картинъ знаменитѣйш. отеч. и иностр. художниковъ.

V. **Русская исторія.** 1. *Назаревскаго В. В.*—чтенія по русск. исторіи*, вып. 1-й, съ 36 карт. въ текстѣ и 1 картой, ц. 45 к., *вып. 2-й, съ 37 карт., ц. 40 к., вып. 3-й, съ 38 картин. и 1 картой, ц. 50 к., вып. 4-й, съ 56 картин., ц. 60 к., *вып. 5-й, съ 73 карт. и 2 картами, ц. 75 к. (всѣ 5 выпусковъ обнимаютъ русск. исторію отъ основ. государства до Петра Вел.), вып. 6-й, съ 85 карт.,—царствованія Ѳеодора Алексѣевича и Петра Вел., ц. 75 к., вып. 7-й, съ 36 карт.—отъ Петра I до Екатерины II, ц. 40 к., вып. 8-й, съ 59 карт.—царств. Екатерины II, цѣн. 50 коп. *Его же*—*выпуски 9, 10, 11, 12 и послѣдн. до царств. Имератора Александра III включительно. 2. *Его же*—Импер. Александръ III, цѣн. 10 коп.

ВОЙНА ЗА ПРАВДУ.

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА?

ЧТЕНІЯ

для фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Бориса Назаревскаго.

Изданіе Комиссіи по устройству общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ города Москвы.

МОСКВА.

1915.

МОСКВА.
Типографія „Русская Печатня“ Б. В. Назаревскаго. Большая Садовая, д. № 14.
1915 г.

I.

Мы живемъ въ дни такой войны, какой еще не было ни разу на всемъ протяжении мiровой исторiи. Почти вся Европа охвачена пламенемъ военнаго пожара; всѣ великiя державы приняли участiе въ бою не на жизнь, а на смерть. Совершаются событiя огромнаго значенiя, которымъ суждено въ самомъ недалекомъ будущемъ измѣнить въ корень грядущiя судьбы европейскихъ народовъ. Въ настоящей борьбѣ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ нашей родинѣ, великой Россiи.

Вотъ почему намъ нужно съ особеннымъ вниманiемъ отнестись къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя послужили, какъ поводами, такъ и причинами возникновенiя великой борьбы. Во имя чего обнажила свой мечъ Россiя? Изъ-за чего воюютъ народы?.

Военная наука говоритъ намъ слѣдующее: „Рѣшаясь на войну съ непрiятелемъ, имѣютъ цѣлью принудить его уступить нашимъ требованiямъ, которыя мы считаемъ себя вправѣ заявить, или потому что мы сильнѣе, или потому что правда дѣйствительно на нашей сторонѣ“ [1]).

Стало быть, первымъ нашимъ вопросомъ будетъ слѣдующiй: почему воюетъ Россiя съ Германiей и Австрiей—потому ли что на нашей стороны только *сила* или потому, что на нашей сторонѣ помимо силы находится и *правда?*.

Мы стоимъ передъ лицомъ событiй громадной мiровой важности. Ихъ теченiя никто и ничто не сможетъ остановить. Подходитъ часъ рѣшенiя такихъ вопросовъ, которые намѣчались, назрѣвали, обострялись долгiе сроки; дѣло сложилось такимъ образомъ, что только сила оружiя можетъ дать желанный отвѣтъ на эти мучительные и больные вопросы.

Видитъ Богъ, вся Россiя во главѣ со своимъ Державнымъ Вождемъ всегда стояла противъ войны и готова была пойти на самыя крайнiя мѣры, чтобы способствовать укрѣпленiю мира. Но существуетъ граница, за предѣлами которой невозможны мирные переговоры, и мечъ долженъ быть обнаженъ. Австрiя и Германiя перешли эту границу, и дипломатамъ волей-неволей пришлось

[1]) Учебникъ тактики М. Драгомирова.

отойти на задній планъ, чтобы дать мѣсто вооруженнымъ силамъ, явившимся для кроваваго рѣшенія затянувшагося спора.

Въ полномъ единомысліи русское общество встрѣтило рѣшительный моментъ. Никто съ самаго начала войны не закрывалъ глазъ на выдающуюся серьезность переживаемой поры, всѣ прекрасно понимали, какихъ гигантскихъ жертвъ требуетъ надвигающаяся война и какими нежданными потрясеніями грозитъ она нашей родинѣ, но малодушныхъ голосовъ, призывавшихъ къ миру, во что бы то ни стало, не было слышно, какъ не слышно было и воплей разнузданнаго самообольщенія: шапками-де закидаемъ! Русскій народъ готовился къ угрожающей войнѣ, какъ къ священному крестовому походу, онъ шелъ на нее, какъ на таинство. Единымъ сердцемъ и едиными устами всѣ молятъ Бога о помощи: вѣра въ то, что наше дѣло свято и право, соединяетъ всѣхъ, и наша русская молитва въ эти дни говоритъ въ нашемъ сердцѣ великія слова: „Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы!“

Въ веденіи войны первенствующую роль играетъ духъ и настроеніе войска. Исполненъ духъ бодростью, и солдатъ творитъ чудеса на полѣ сраженія, но если въ арміи начинаетъ царить духъ унынія, то оружіе падаетъ изъ рукъ, и при малѣйшей же неудачѣ рядами войскъ овладѣваетъ паника. Между тѣмъ, войско— вѣдь это плоть отъ плоти и кровь отъ крови общества и народа; стало-быть, настроеніе, господствующее въ обществѣ, неизбѣжно отражается и на настроеніи солдатъ.

Законъ войны гласитъ слѣдующее: побѣждаетъ тотъ, кто не приходитъ въ отчаяніе. Кто близокъ къ отчаянію, тотъ близокъ и къ пораженію. Когда впереди свѣтлымъ лучомъ горитъ только надежда на возможность скораго заключенія мира и воинъ только въ этомъ просвѣтѣ видитъ свое утѣшеніе, то у него шансовъ на побѣду почти не остается. Пусть такая армія еще твердо держится на своихъ позиціяхъ, но уже выбить ее оттуда не представляетъ особенной трудности.

Какъ же русскій народъ вышелъ на поле брани? Слава Богу,—теперь это можно сказать,—мы оказались на высотѣ даннаго великаго историческаго момента. Если, съ одной стороны, мы на предательское нападеніе на насъ непріятеля отвѣтили страшнымъ и грознымъ подъемомъ національнаго чувства, единодушнымъ порывомъ охватившей всѣхъ безъ исключенія русскихъ подданныхъ любви къ оскорбленной родинѣ, то съ другой стороны, мы перешли роковую черту, отдѣлявшую, насъ отъ войны, съ полнымъ сознаніемъ всего совершающагося, съ рѣдкимъ спокой-

ствіемъ, съ желѣзною твердостью. Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрою приступили мы къ таинству свершенія судебъ народныхъ. Русь съ благоговѣніемъ и любовью, омытая слезами, готовясь омыться кровью своею, добровольно и смиренно принесла, несетъ и теперь свои жертвы на алтарь войны.

Къ кому же неслись всѣ помыслы русскаго народа въ эти великіе дни нашей родины, какъ не къ Божьему Помазаннику, какъ не къ Вождю русскихъ силъ, какъ не къ нашему возлюбленному Самодержцу. Всю эту тревожную пору Его свѣтлый образъ жилъ неотступно въ сердцѣ каждаго русскаго подданнаго,—недаромъ съ Его портретомъ въ рукахъ, осѣненнымъ нашимъ національнымъ флагомъ, съ Его именемъ, съ молитвой за Царя на устахъ несмѣтныя толпы народа встрѣчали гремящую и сверкающую тучу надвигавшейся войны. И Царскій голосъ прозвучалъ надъ затаившейся вдругъ въ нѣмомъ ожиданіи Россіей, и Царскія слова пронеслись изъ конца въ конецъ обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи,—пронеслись, какъ совѣтъ и указаніе, какъ законъ и пророчество:

„Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша Великая Матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи Намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія Мы доведемъ войну, какова бы она ни была, до конца. Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей“.

Итакъ, прежде всего: *достоинство* и *спокойствіе*. И то, и другое мы проявили до сихъ поръ, какъ это и было нужно, но необходимо намъ эти чувства сохранить и впредь. Передъ нами совершается судъ Божій, и передъ этимъ судомъ мы должны предстать во всеоружіи всѣхъ нашихъ силъ, всей нашей бодрости, всего нашего самообладанія. Страшенъ только *позоръ*, и отъ него спаси насъ, Господи! Война должна быть завершена лишь побѣдою, мы уже пресытились *худымъ миромъ*, заставлявшимъ всѣ европейскія государства вооружаться до самыхъ зубовъ, намъ нуженъ миръ прочный, окончательный и твердый, но этотъ миръ возможенъ *лишь послѣ русской побѣды.*

Во второй разъ на протяженіи русской исторіи мы слышимъ тѣ же слова Русскаго Государя: *„Я не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей“.* Въ первый разъ подобныя слова произнесъ императоръ Александръ I въ дни нашествія Наполеона съ двадестью языками на Россію. Дѣйствительно, по своей серьезности настоящій моментъ тождественъ съ тѣмъ временемъ, когда полчища Наполеона втор-

гнулись въ наши предѣлы. Да будетъ же исходъ событій такъ же славенъ для России, какъ въ благословенные дни Александра I.

Еще при опубликованіи первыхъ извѣстій объ объявленіи войны Австріей Сербіи наше общество встрепенулось, сказался грозный подъемъ настроенія, но это настроеніе было полно силы и бодрости. Уныніе не было замѣтно нигдѣ,—напротивъ, чувствовалась какая-то особенная энергія и вѣра въ свѣтлое будущее.. Такъ точно привѣтствуются первые раскаты весенняго грома, и весело выходитъ на открытый воздухъ земледѣлецъ, подставляя свою голову подъ крупныя и рѣдкія капли дождя; онъ бодръ, хотя и знаетъ, что гроза можетъ принести съ собою не только радость, но и градъ, и бурю, и разрушеніе.

Присмотритесь къ нашимъ войскамъ. Глядя въ глаза солдатъ, отправляющихся на войну, мы можемъ читать въ нихъ вѣрную вѣсть о грядущихъ нашихъ побѣдахъ. Совсѣмъ не фразою является заявленіе, что наши войска рвутся въ бой. Поговорите съ ранеными, прибывающими въ центральные города съ поля битвы, и вы услышите отъ нихъ одно и то же: всѣ они только и мечтаютъ объ одномъ, чтобы, поправившись, вернуться въ строй, а тѣ, кто по своему тяжелому положенію, лишенъ надежды снова взяться за оружіе, жалѣютъ лишь объ одномъ, что имъ мало пришлось сражаться съ непріятелемъ. По всей странѣ поднялось мощное чувство народнаго гнѣва противъ врага, а также чувство беззавѣтной любви къ родинѣ, которой грозитъ опасность; это чувство превращаетъ трусовъ въ безумныхъ смѣльчаковъ, будитъ спящихъ, рождаетъ героевъ, творитъ чудеса на кровавыхъ поляхъ сраженій.

Никто представить себѣ не можетъ, чтобы нѣмецъ побѣдилъ. Всѣмъ подобная возможность представляется дикой безсмыслицей. Да развѣ можно примириться съ нѣмцами-побѣдителями? Когда они разыгрывали изъ себя друзей русскаго народа, они по отношенію къ русскимъ людямъ проявляли себя, какъ наглые и надменные эксплоататоры, они угнетали и давили русскаго человѣка, они издѣвались надъ нимъ. Чего же можно ждать отъ нихъ, какъ отъ побѣдителей и завоевателей? Вѣдь это же тѣ самые нѣмцы, которые добиваютъ нашихъ раненыхъ и предаютъ неслыханнымъ пыткамъ попадающихся имъ въ плѣнъ нашихъ солдатъ, увѣча ихъ, отрѣзая имъ уши, носы и языки; тѣ нѣмцы, которые разрушаютъ наши города, насилуютъ женщинъ, не щадятъ малыхъ дѣтей; это тѣ нѣмцы, которые даже въ нашемъ плѣну огрызаются на насъ, наносятъ намъ оскорбленія, плюютъ въ лицо сестрамъ милосердія, подходящимъ къ нимъ, чтобы пе-

ревязать ихъ раны. Нѣтъ, съ такимъ народомъ война должна быть до самаго конца, война должна быть на ножахъ и топорахъ, если бы у насъ не хватило пуль и снарядовъ. Вотъ что думаетъ и чувствуетъ народъ.

Если еще въ началѣ войны кое-гдѣ раздавались опасенія, что нѣмецъ-де хитеръ и потому съ нимъ трудно будетъ сладить,— то теперь эти опасенія разсѣялись окончательно. Извѣстія съ театра войны характеризуютъ нѣмцевъ, какъ посредственныхъ воиновъ, у нихъ не оказалось въ запасѣ никакихъ особенныхъ, губительныхъ выдумокъ, они владѣютъ своимъ оружіемъ ничуть не лучше нашихъ солдатъ,—даже, напротивъ, наши солдаты во многомъ ихъ превосходятъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, одну изъ частностей: наша артиллерія оказалась на большей высотѣ сравнительно съ артиллеріей нѣмецкой и австрійской. Теперь мы знаемъ, что можемъ бить германцевъ, и бьемъ мы ихъ основательно на всѣхъ пунктахъ.

Но что самое главное,—это то, что весь нашъ народъ, какъ одинъ человѣкъ, сознаетъ, что мы подняли свой мечъ *за правду*. Вотъ общій отзывъ простолюдиновъ о настоящей кампаніи: „это война правильная, настоящая, это хорошая война". Каждый нашъ солдатъ, направляясь на поле брани, несетъ съ собою мысль, что онъ борется за правду, за нѣчто великое, за то, что стоитъ выше всѣхъ мелочныхъ заботъ и шкурныхъ интересовъ. Онъ знаетъ, что если онъ подастся назадъ въ борьбѣ, то совершитъ грѣхъ передъ Богомъ, потому что своею слабостью онъ далъ перевѣсъ злу надъ добромъ, кривдѣ надъ свѣтлой и святою правдой. Но русскій воинъ не дастъ въ обиду матушку-правду, и побѣжденнымъ онъ домой не вернется.

Кто сможетъ устоять противъ такой мощи духа, противъ такого грознаго и несокрушимаго подъема народной нравственной силы? Всѣ знаютъ, что врагъ силенъ, что борьба можетъ затянуться, что намъ впереди, можетъ-быть, предстоятъ великія испытанія, но ни въ комъ нѣтъ ни колебанія, ни унынія. Мы готовы на все,— кромѣ мира преждевременнаго, мира до полнаго сокрушенія враговъ. Попробуй кто теперь заговорить о мирѣ,—по странѣ пронесется такая волна негодованія, что непрошенный миротворецъ надолго прикуситъ себѣ языкъ. Мы всѣ живемъ завѣтомъ нашего Государя: „война до конца", и отъ этого завѣта мы не отступимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ той спертой, удушливой атмосферѣ, которую создали Германія и Австрія своими воинственными замыслами, нельзя дольше жить. Невозможно жить рядомъ съ такимъ сосѣдомъ, который то и дѣло грозитъ, дразнитъ, оскорбляетъ

и намѣренно выводитъ изъ себя тѣхъ людей, которые только одного и хотятъ, — жить мирно и мирно работать. Мы не виноваты въ томъ, что своей покладливостью въ трудныя минуты нашей жизни мы раздразнили аппетиты Германіи, и она теперь желаетъ эксплоатировать насъ до послѣдней возможности. Германія ужасно любитъ колоть намъ глаза своимъ „рыцарскимъ“ поведеніемъ за время русско-японской войны, когда намъ была дана возможность не безпокоиться за западную границу, но это „рыцарство“ мы такъ щедро оплатили вслѣдствіе невыгоднаго для насъ, но чрезвычайно прибыльнаго для нѣмцевъ торговаго договора съ Германіей, заключеннаго вслѣдствіе тогдашняго нашего труднаго положенія, что этотъ счетъ слѣдуетъ считать законченнымъ. Благодаря этому торговому договору, Россія милліарды переплатила Германіи за ея „дружескую услугу“. Этого довольно: нѣмцы отъ насъ попользовались, но надо и честь знать.

У насъ есть свои интересы и выгоды, и мы будемъ ихъ соблюдать, какъ бы ни выходилъ изъ себя и ни бряцалъ своимъ оружіемъ вслѣдствіе этого нашъ сосѣдъ.

Не съ нашей стороны были подняты и съ такой невѣроятною рѣзкостью поставлены многообразные вопросы въ отношеніяхъ между германствомъ и славянами. Нѣмцы рифмуютъ—Slaven—Sklaven (славяне—рабы), они насъ считаютъ за низшую расу, которой суждено вѣчно подчиненное положеніе, которая является лишь матеріаломъ, лишь удобреніемъ для тучныхъ германскихъ всходовъ. Въ германскихъ странахъ давно уже привыкли презирать славянъ, и за послѣднее время презрительное къ нимъ обращеніе вышло изъ всѣхъ границъ терпимаго и возможнаго. Россія для германства является давно бѣльмомъ на глазу, и сокрушеніе ея мощи поставлено для нѣмцевъ задачей первой очереди. Уже весной 1914 года въ Германіи трубили о необходимости предупредить Россію и Францію, пока онѣ не приготовились къ войнѣ такъ же, какъ Германія и Австрія. Надъ русскими уже давно издѣваются, имъ давно чуть не плюютъ въ глаза занесшіеся въ своихъ мечтахъ нѣмцы. Мы многое старались не замѣчать по свойственному намъ добродушію,—можетъ-быть, мы на слишкомъ многое спокойно закрывали глаза.

Нѣмецкая гордость дѣлаетъ свое дѣло,—она должна была, въ концѣ концовъ, передъ надвигающейся германской опасностью объединить славянъ. Но славяне туги на подъемъ, они не въ мѣру терпѣливы, они не привыкли дѣйствовать вмѣстѣ и сообща. Для ихъ единства нужна непосредственно надъ ихъ головами грянувшая бѣда, нуженъ слишкомъ рѣзкій и болѣзненный ударъ.

Австрія въ согласіи съ Германіей сочла теперешнюю пору за время наиболѣе выгодное и удобное для нападенія на славянство. Переоцѣнила ли она слишкомъ высоко свои силы, разочла ли она по слишкомъ низкой цѣнѣ боевую готовность Россіи и всего славянства,—правда, теперь очень разрозненнаго и раздѣленнаго,—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, Россіи придется еще и еще разъ взять на свои плечи всю тяжесть обще-славянскаго дѣла. Россія исполнитъ этотъ свой долгъ съ готовностью и съ радостью. Если теперь ударилъ часъ рѣшенія спора между германствомъ и славянами, то пусть скорѣе развязывается или разрубается этотъ узелъ: мы ко всему готовы.

Да, мы можемъ это сказать совершенно смѣло. Намъ порукой въ этомъ служитъ настроеніе русскаго общества, которое инстинктомъ разобралось въ текущемъ столкновеніи народовъ и поняло огромную его важность и серьезность. Всѣ задѣты за живое, всѣ насторожились, всѣ волнуются, всѣ ждутъ,—но Боже насъ избави теперь отъ уступокъ и отъ податливости.

Всѣ жаждутъ только одного—достойнаго и мощнаго отпора нѣмецкой гордынѣ, нѣмецкому задору, нѣмецкому своекорыстію. Бываютъ войны, освященныя свыше, и мы вѣримъ, что если Россія была принуждена извлечь свой мечъ, то Богъ поможетъ намъ, ибо въ спорѣ мы правы, ибо на насъ напали надменные враги тогда, когда мы искали лишь мира, но наше терпѣніе истощено, и дѣлать намъ больше ничего не остается. Мы заступаемся за слабыхъ, угнетенныхъ и брошенныхъ, за тѣхъ, за кого больше некому заступиться,—мы возмущаемся изъ-за старыхъ обидъ и долгихъ оскорбленій, мы вооружаемся потому, что намъ надоѣло слышать позорную кличку раба, которой насъ поноситъ нѣмецкая тупость. Если мы—рабы, то мы рабы только Господа Бога, но германца никакая сила не принудитъ насъ счесть за своего господина. Вотъ что чувствуетъ теперь бьющееся ускореннымъ, но ровнымъ темпомъ сердце русскаго народа, вотъ почему мы съ такой вѣрою смотримъ въ туманъ грядущаго, вотъ почему теперь среди насъ такъ популярна надвинувшаяся война.

II.

Вдумываясь въ событія, предшествовавшія началу войны и послужившія поводомъ къ открытію военныхъ дѣйствій между великими европейскими державами, мы можемъ ясно видѣть, что сила правды была отнюдь не на сторонѣ Германіи и Австріи,

грубо и надменно бросившихъ свой вызовъ России, Франціи и Англіи.

Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ послужило заступничество Россіи за маленькую единокровную намъ Сербію, на которую подняла свою закованную въ желѣзо руку хищная и коварная Австрія.

15 іюня 1914 года наслѣдникъ австрійскаго престола эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ д'Эсте вмѣстѣ со своею супругою герцогиней Гогенбергъ проѣзжалъ на автомобилѣ по одной изъ улицъ города Сараева въ Босніи. Въ это время въ него произвелъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера какой-то молодой человѣкъ, впослѣдствіи оказавшійся гимназистомъ, по имени Гавріилъ Принципъ. Этими выстрѣлами были убиты на мѣстѣ и эрцгерогъ и его супруга. За часъ передъ этимъ на наслѣдника австрійскаго престола было совершено другое покушеніе: въ автомобиль Франца Фердинанда типографскимъ рабочимъ Гавриновичемъ была брошена бомба, не причинившая вреда ни эрцгерцогу, ни его супругѣ. И Принципъ, и Гавриновичъ были арестованы; оба они принадлежали къ мѣстнымъ уроженцамъ, они были сербы и австрійскіе подданные.

Произведенное энергическое разслѣдованіе сразу же выяснило, что заговоръ былъ составленъ на мѣстѣ, что его участники были мѣстными уроженцами. Однако, австрійское правительство воспользовалось печальнымъ событіемъ смерти эрцгерцога, чтобы свести старые счеты съ Сербіей. Отвѣтственность за гибель Франца Фердинанда была возложена на весь сербскій народъ и на все сербское государство, ни въ чемъ неповинные.

Прошло около мѣсяца послѣ смерти Франца Фердинанда. 10 іюля австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ сербскому правительству ультиматумъ, содержавшій рядъ самыхъ дерзкихъ требованій и приглашавшій сербское государство дать отвѣтъ въ теченіе кратчайшаго срока—сорока восьми часовъ.

Какъ извѣстно, происками Австріи отъ Сербіи были давно уже отрѣзаны двѣ ея исконныя области, бывшія одно время подъ властью Турціи, но населенныя по преимуществу православнымъ сербскимъ населеніемъ,—Боснія и Герцеговина. Въ 1908 году Австрія окончательно захватила и укрѣпила за собою эти области, пользуясь единственнымъ правомъ,—правомъ сильнаго. Нечего говорить о томъ, какой жгучей болью отозвался этотъ захватъ въ сердцахъ, какъ независимыхъ сербовъ, такъ и сербовъ, попавшихъ окончательно подъ чуждое для нихъ австрійское владычество. Австрійцы всегда съ нескрываемой враждебностью отно-

сились къ своимъ новымъ подданнымъ Босніи и Герцеговины—къ православнымъ сербамъ, всячески покровительствуя католикамъ и мусульманамъ, жившимъ въ этихъ мѣстахъ. Національное чувство боснійскихъ и герцоговинскихъ сербовъ неуклонно преслѣдовалось и оскорблялось. Достаточно сказать то, что въ послѣднее время передъ войною начальникъ этого края, назначенный австрійцами, не понималъ ни слова по сербски, а бургомистръ (городской голова) города Сараева былъ мусульманинъ. Все это породило раздраженіе въ средѣ мѣстнаго населенія, и это раздраженіе, причиной котораго былъ австрійскій образъ дѣйствія по отношенію къ сербамъ, жившимъ въ Босніи и Герцоговинѣ, и толкнуло двухъ безумцевъ совершить ихъ кровавое дѣло.

Австрійское правительство прекрасно понимало, что сербское народное чувство не можетъ примириться съ утратой для Сербіи Босніи и Герцоговины. Поэтому Австрія всегда грозила Сербіи и ставила ей въ вину, что она въ душѣ своей протестуетъ противъ отторженія отъ нея этихъ исконныхъ славянскихъ областей. Сербія знала, что ей не подъ силу тягаться съ своей могущественной сосѣдкой, и потому она покорно склонила голову передъ австрійскимъ разбойническимъ захватомъ.

Но Австрію безпокоило все возрастающее усиленіе сербскаго государства, и настоящей причиною вызывающаго ея образа дѣйствія по отношенію къ Сербіи было желаніе раздавить Сербію, сдѣлать ее безвольной рабой Австріи. Убійство Франца Фердинанда было лишь удобнымъ предлогомъ, къ которому придралось австрійское правительство.

Это совершенно ясно изъ того ультиматума, который былъ предъявленъ сербскому правительству австро-венгерскимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ.

Въ ультиматумѣ Австрія нагло и надменно заявляла Сербіи, что сербское правительство, вмѣсто того, чтобы поддерживать съ Австріей добрососѣдскія отношенія, не только не принимала никакихъ мѣръ, чтобы подавить въ народѣ „революціонное движеніе, имѣющее цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи“, но даже чуть что не поддерживало его. Такая „преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства“ (подлинныя слова ультиматума) не прекратилась послѣ убійства наслѣдника австрійскаго престола. Далѣе въ ультиматумѣ утверждается, будто „сараевское преступленіе было подготовлено въ Бѣлградѣ, оружіе и взрывчатыя вещества, которыми были снабжены убійцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ народной

обороны и, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ оружіемъ въ Боснію былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы".

Всѣ эти заявленія были *ложью*, и писавшие ультиматумъ прекрасно были освѣдомлены, что они пишутъ завѣдомую и безсовѣстную неправду.

Но это было сдѣлано для того, чтобы выставить Сербіи рядъ унизительныхъ и невыполнимыхъ требованій.

Прежде всего австрійцы требовали, чтобы сербское правительство принесло передъ всѣмъ міромъ покаяніе въ томъ, чего оно не совершало,—то есть въ томъ, что по его винѣ въ Сербіи безпрепятственно распространялось движеніе, враждебное австро-венгерской монархіи, вслѣдствіе чего произошло сараевское преступленіе.

Дальше, какъ этого требовали австрійцы, сербское правительство впредь должно всячески подавлять и не допускать ни въ обществѣ, ни въ печати, ни въ школахъ всего того, что можетъ „возбуждать ненависть и презрѣніе къ Австро-Венгріи". Для того, чтобы это было въ точности исполнено, австрійцы отправятъ въ Сербію своихъ чиновниковъ, на обязанности которыхъ будетъ лежать „сотрудничество въ Сербіи въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ цѣлости и неприкосновенности австро-венгерской монархіи". Кромѣ того, австрійскіе чиновники будутъ принимать самое дѣятельное участіе „въ судебномъ разслѣдованіи противъ участниковъ заговора 15-го іюня, находящихся на сербской территоріи".

Всѣ требованія австро-венгерскаго правительства были изложены въ десяти пунктахъ, одинъ другого грубѣе и невозможнѣе. Ясно, что было бы, ежели Сербія рѣшилась бы полностью удовлетворить эти требованія: сейчасъ же въ Сербію были бы отправлены австрійскіе чиновники, которые оказались бы полновластными распорядителями судебъ и жизни сербскаго народа. Австрійцы подъ предлогомъ разслѣдованія заговора хватали и отдавали подъ судъ, кого бы имъ вздумалось изъ сербовъ. Австрійскіе чиновники наложили бы свою руку на сербскую печать, на сербскія школы,—мало того, они вторгались бы въ частную жизнь сербовъ. Словомъ, вся Сербія утратила бы свою независимость и стала бы безпомощной рабой австріяковъ.

Сербы поняли, что Австрія однимъ ударомъ хочетъ сокрушить и ихъ національное достоинство, и ихъ честь, и ихъ свободу. Надъ маленькой страной раскрылась жадная пасть ихъ

хищной сосѣдки, готовой проглотить несчастную Сербію. Борьба была слишкомъ неравная.

Къ кому же было обратиться сербскому народу за помощью въ страшной и послѣдней нуждѣ, какъ не къ мощной и постоянной защитницѣ всего славянства—великой Россіи.

Сейчасъ же послѣ врученія австрійской ноты сербскій королевичъ-регентъ Александръ обратился къ нашему Государю Императору съ телеграммой, въ которой онъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Срокъ назначенъ слишкомъ короткій. Австро-венгерская армія сосредоточивается около нашей границы и можетъ насъ атаковать по истеченіи срока. Мы не можемъ защищаться. Посему молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе. Ваше Величество дало намъ столько доказательствъ Своего драгоцѣннаго благоволенія, что мы твердо надѣемся, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ Его славянскомъ и благородномъ сердцѣ. Я являюсь выразителемъ чувствъ сербскаго народа, который въ эти трудныя времена молитъ Ваше Величество принять участіе въ судьбахъ Сербіи“.

Отвѣтъ на эту мольбу не заставилъ себя ждать.

Глубоко взволнованное и до глубины души возмущенное австрійской наглостью и предательствомъ русское общество съ чувствомъ высокаго удовлетворенія прочло слѣдующее извѣщеніе отъ русской правительственной власти:

„Правительство весьма озабочено наступившими событіями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство зорко слѣдитъ за развитіемъ сербско-австрійскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ остаться равнодушной“.

Государь Императоръ далъ со своей стороны отвѣтъ королевичу Александру:

„Ваше Королевское Высочество, обратившись ко Мнѣ въ исключительно тяжелую минуту, не ошиблись въ чувствахъ, которыя Я питаю къ вамъ и въ Моемъ сердечномъ расположеніи къ сербскому народу. Теперешнее положеніе вещей привлекаетъ Мое самое серьезное вниманіе, и Мое правительство принимаетъ всѣ усилія, дабы устранить настоящее затрудненіе. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Ваше Высочество и королевское правительство проникнуты желаніемъ облегчить эту задачу, не пренебрегая ничѣмъ, дабы придти къ рѣшенію, которое, сохраняя достоинство Сербіи, предупредило бы ужасы новой войны. Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія, всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой цѣли. Если же, вопреки На-

шимъ самымъ искреннимъ желаніямъ, Мы въ этомъ не успѣемъ, Ваше Высочество можете быть увѣрены въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ Россія не останется равнодушною къ участи Сербіи".

Когда эта телеграмма была передана королевичу Александру, то онъ, исполненный радости, поднялъ къ небу глаза, полные слезъ, и воскликнулъ:

„Господи, какъ великъ и милостивъ Русскій Царь!"

Чтобы лучше всего понять всю непріемлемость требованій, выставленныхъ Сербіи со стороны Австріи, достаточно привести мнѣніе представителя англійской дипломатіи. Англія въ началѣ разыгравшагося столкновенія между Сербіей и Австріей подчеркнула, что это столкновеніе не задѣваетъ англійскихъ интересовъ, и поэтому Англія сохраняетъ въ данномъ вопросѣ полнѣйшее безпристрастіе. Между тѣмъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей въ своей телеграммѣ послу въ Вѣнѣ де-Бунзену счелъ своимъ долгомъ указать, что Австрія дала Сербіи слишкомъ короткій срокъ для отвѣта на ультиматумъ; къ этому онъ прибавилъ:

„Я никогда еще не видѣлъ, чтобы какое-либо государство обращалось къ другому независимому государству съ документомъ столь угрожающаго характера".

Были пущены въ ходъ всѣ мѣры со стороны Россіи и другихъ державъ, чтобы какъ-нибудь отвратить войну. Россія воздѣйствовала на Сербію въ томъ смыслѣ, чтобы она пошла на все, на всѣ возможныя уступки и, во имя сохраненія мира, Сербія рѣшилась уступить.

За нѣсколько минутъ до истеченія срока въ австрійскую миссію въ Бѣлградѣ прибылъ сербскій министръ-президентъ Пашичъ и вручилъ тамъ австро-венгерскому посланнику отвѣтъ на австрійскую ноту.

Сербы, дѣйствительно, сдѣлали все, что могли. Они дошли до крайняго предѣла возможныхъ уступокъ. „Сербскій отвѣтъ на австрійскую ноту превосходитъ по умѣренности и примирительному духу все, что можно было ожидать",—сказалъ сэръ Эдуардъ Грей германскому послу въ Лондонѣ, а австрійскому послу онъ замѣтилъ слѣдующее: „Мнѣ кажется, что сербскій отвѣтъ уже означаетъ величайшее униженіе, какому, насколько я знаю, никогда не подвергалась ни одна страна".

Такова была великая жертва, принесенная сербами ради избѣжанія европейской войны. Они дѣйствительно сдѣлали все, что могли; они исполнили большую часть австрійскихъ требо-

ваній, лишь отказавшись пойти на то, что было разсчитано на уничтоженіе сербской независимости и крайнее униженіе страны.

Но австрійцамъ нужна была война во что бы то ни стало. Отказавшись продлить срокъ отвѣта на ультиматумъ, они не захотѣли принять посредничества, которое предлагала имъ Англія, Франція и Италія. Разумѣется, сербскій отвѣтъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ.

Австрійцы до того распоясались и разоткровенничались, что даже перестали скрывать настоящую причину, толкавшую ихъ на войну съ Сербіей. Австрійскій посолъ въ Лондонѣ имѣлъ наглость дать такія объясненія англійскому министру иностранныхъ дѣлъ: до балканской-де войны Сербія находилась въ сферѣ австрійскаго вліянія, и потому, пока она граничила съ Турціей, Австрія не принимала противъ нея никакихъ суровыхъ мѣръ, а теперь Сербія удвоила свою территорію и народонаселеніе, и къ этому Австрія ради своей защиты и самосохраненія не можетъ остаться равнодушной. Ясно было, что „наказаніе Сербіи за убійство престолонаслѣдника Австріи“ было лишь случайнымъ предлогомъ. Просто, Сербія была намѣченной жертвой, на которую Австрія хотѣла наброситься и растерзать ее.

Въ 6 часовъ 20 минутъ вечера 12 іюля австрійскій посланникъ баронъ Тизль выѣхалъ съ чинами миссіи изъ Бѣлграда, заявивъ Пашичу о прекращеніи дипломатическихъ сношеній между Австріей и Сербіей. 15 іюля Австрія объявила войну Сербіи, а 16 іюля австрійскія войска начали бомбардировку Бѣлграда.

Но все же Россія еще не теряла надежды какъ-нибудь отвратить страшную бѣду европейской войны.

Того же 16 іюля Государь Императоръ отправилъ германскому императору Вильгельму II телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Я радъ, что ты возвратился въ Германію. Въ эту серьезную минуту Я обращаюсь къ тебѣ съ настоятельною просьбою Мнѣ помочь. Постыдная война объявлена маленькой странѣ. Негодованіе, которое и Я всецѣло раздѣляю, въ Россіи безгранично. Я чувствую, что скоро не буду въ состояніи противиться тому давленію, которое на меня производится, и буду вынужденъ принять мѣры, которыя повлекутъ за собою войну. Дабы предотвратить то бѣдствіе, какимъ являлась бы европейская война, Я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сдѣлать все возможное для тебя, чтобы не дать твоему союзнику зайти слишкомъ далеко“.

Вильгельмъ сдѣлалъ видъ, что онъ охотно соглашается выступить посредникомъ.

Между тѣмъ, австрійскій императоръ, престарѣлый Францъ-Іосифъ въ своемъ манифестѣ по поводу объявленія войны говорилъ своему народу завѣдомую *ложь*, будто Сербія *отвергла* справедливыя и умѣренныя требованія его правительства, почему вся отвѣтственность падаетъ на сербскій народъ.

Германское правительство тоже сочло нужнымъ скрыть отъ народонаселенія текстъ отвѣта сербскаго правительства.

III.

Чтобы оцѣнить по достоинству все безграничное лицемѣріе германскаго императора, который нашему Государю говорилъ о своемъ самомъ горячемъ желаніи стать на стражѣ сохраненія мира въ Европѣ, нужно принять во вниманіе слѣдующее.

Весной 1914 года онъ посѣтилъ эрцгерцога Франца-Фердинанда въ его охотничьемъ замкѣ въ Конопиштахъ. Теперь установлено, что Вильгельмъ и погибшій такой трагической смертью Францъ-Фердинандъ говорили ни о чемъ другомъ, какъ о необходимости войны—войны во что бы то ни стало, во имя возвеличенія Германіи и окончательнаго сокрушенія ея враговъ. Тогда же было рѣшено прежде всего обрушиться на Сербію, чтобы начать этимъ покореніе славянства подъ пяту Австріи и Германіи.

Смерть одного изъ заговорщиковъ противъ европейскаго мира только ускорила осуществленіе ихъ заговора.

Выступленіе Австріи было приготовлено и поддержано Германіей. Вильгельмъ, соглашавшійся выступить посредникомъ между Россіей и Австріей, на самомъ дѣлѣ былъ руководителемъ всего выступленія. Стоя за кулисами разыгравшагося столкновенія, онъ былъ истиннымъ его главою, рѣшительнымъ и дерзкимъ вождемъ.

Можно ли, основываясь на этомъ, рѣшить, что Вильгельмъ является главнымъ и единственнымъ виновникомъ великой европейской войны?

Часто у насъ можно услышать такое мнѣніе:

„Мы воюемъ съ Вильгельмомъ и Францемъ-Іосифомъ. Двое безумцевъ зажгли пламя страшнаго пожара европейской войны, и по ихъ винѣ міръ обливается теперь потоками крови. На ихъ головы цѣликомъ падаетъ вся страшная отвѣтственность за совершившееся“.

Но это глубокая ошибка.

Неужели же война ведется только изъ-за того, что въ одинъ прекрасный день Вильгельмъ и Францъ-Іосифъ сошли съ ума и

рѣшили въ порывѣ безумія толкнуть на край пропасти свои народы? Что же—австрійскій и германскій народы состоятъ изъ безсловесныхъ рабовъ, которыми по прихоти своей правятъ какіе-то деспоты вродѣ древнихъ Камбиза или Нерона?

Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ популяренъ тотъ же Вильгельмъ среди своихъ подданныхъ, и за время войны его популярность нисколько не уменьшилась. Вильгельмъ почти все время царствованія остается кумиромъ своего народа. Чѣмъ же онъ заслужилъ такое отношеніе нѣмцевъ? Да просто тѣмъ, что онъ всѣмъ своимъ духовнымъ складомъ, всѣми своими воззрѣніями и планами отвѣчаетъ духовной сущности своего народа. Преклоняясь передъ Вильгельмомъ, нѣмцы въ его лицѣ боготворятъ самихъ себя. Онъ популяренъ, потому что онъ во всемъ солидаренъ со своимъ народомъ, онъ—плоть отъ плоти его и кровь отъ его крови.

„Аппетитъ приходитъ съ ѣдою“—вотъ, какъ можно охарактеризовать исторію Германіи за послѣднія сто лѣтъ. Сначала униженная, раздробленная, находящаяся на краю гибели—она живетъ за чужой счетъ,—за счетъ чужой заботливости и чужихъ благодѣяній, главнымъ образомъ, русскихъ, но, оправившись, почувствовавъ почву подъ ногами, она начинаетъ мечтать о лучшихъ временахъ. У нея рождается мечта о первенствѣ и господствѣ въ Европѣ, и первые шаги ея въ дѣлѣ осуществленія этой грезы даютъ ей блестящіе успѣхи. Разгромъ Франціи въ 1870 году разъ навсегда увѣрилъ нѣмцевъ въ ихъ полной непобѣдимости. Съ этихъ поръ ихъ неотступно мучитъ голодъ новыхъ побѣдъ и новыхъ завоеваній.

Нѣмецкая самоувѣренность—это нѣчто, не поддающееся описанію. Еще Левъ Толстой въ своемъ романѣ „Война и миръ“ называлъ эту тупую и наглую самоувѣренность глубоко противной. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкая самоувѣренность рождается на почвѣ глубокой ограниченности: нѣмецъ, а въ особенности нѣмецъ-пруссакъ, разъ порѣшивъ что-нибудь въ своемъ умѣ, считаетъ такое свое отвлеченное рѣшеніе непогрѣшимо вѣрнымъ и желаетъ во что бы то ни стало его проводить въ жизнь, не считаясь съ условіями реальной дѣйствительности. Съ нѣмецкой точки зрѣнія, ошибиться можетъ только сама жизнь, а не онъ.

Въ этихъ особенностяхъ нѣмецкаго характера заключается и его сила, и его слабость. Германецъ силенъ своимъ упорствомъ, своей волей, своимъ прилежаніемъ, но онъ безконечно слабъ въ своей ограниченности, узости и непониманіи всего без-

конечнаго разнообразія жизни; въ головѣ у него „сидитъ лишь одно крѣпко-на-крѣпко, словно гвоздь, обухомъ вколоченный“.

Что вы можете сдѣлать съ нѣмцами, ежели у нихъ изо всей ихъ исторіи хранятся въ памяти лишь ихъ побѣды, а о всѣхъ своихъ безчисленныхъ пораженіяхъ они забыли: изъ восемнадцатаго столѣтія они выхватили одинъ образъ „стараго Фрица“, прусскаго короля Фридриха Великаго, но окруженнаго ореоломъ успѣховъ, а не разбитаго и униженнаго побѣдоносными русскими войсками. Въ девятнадцатомъ столѣтіи изъ воспоминаній вычеркнуты всѣ страницы Наполеоновскихъ войнъ, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ, зато ярко сіяютъ страницы побѣднаго шествія Германіи по прекраснымъ полямъ Франціи. Сейчасъ мы имѣемъ передъ собою преисполненныхъ самоувѣренности людей, убѣжденныхъ въ своемъ военномъ геніи и въ своей немеркнущей военной славѣ.

Но нѣмецъ все хочетъ использовать, онъ изо всего желаетъ извлечь для себя выгоду. Онъ смотритъ на свой изобрѣтенный имъ же самимъ военный геній, какъ на вѣрный капиталъ, и жаждетъ получить съ него сверхъестественные проценты. Объявленіе настоящей войны представляется Германіи такимъ же естественнымъ процессомъ, какъ обрѣзываніе ножницами купоновъ у ея процентныхъ бумагъ.

Это обстоятельство намъ нужно имѣть въ виду при объясненіи причинъ настоящей войны. „На что они разсчитываютъ“?— спрашиваемъ мы съ недоумѣніемъ, видя, какъ Германія бросаетъ вызовъ чуть-что не всей Европѣ. На это можно отвѣтить: Германія увѣрена въ своихъ силахъ, она вѣритъ въ себя, она дорвалась до исполненія излюбленной своей мечты, которую она до сихъ поръ выполняла лишь въ усиленныхъ вооруженіяхъ, въ непомѣрномъ ростѣ милитаризма, которымъ она не давала спокойно жить всей Европѣ. Германія зарвалась до того, что готова считать себя кредиторомъ всѣхъ государствъ, находящихся съ нею въ соприкосновеніи, и теперешнюю кампанію учитываетъ, какъ предъявленіе къ уплатѣ своихъ векселей. Вы ее не образумите, вы ее не убѣдите, вы ничѣмъ не сможете выяснить настоящаго положенія вещей. Для ея сосѣдей существуютъ только два выхода: или сдаться ей безусловно, или дать ей такой отпоръ, чтобы она подъ вліяніемъ страшнаго удара, нанесеннаго ей, нѣсколько очнулась и поняла истинное положеніе дѣла.

Сдаться Германіи, конечно, нѣтъ никакой возможности, потому что ея жадности нѣтъ и не можетъ быть предѣла. Повторяемъ, мы имѣемъ дѣло съ людьми, отуманенными навязчивой

идеей, которые, закусивъ удила, лѣзутъ на рожонъ и ни съ чѣмъ не хотятъ считаться. Итакъ, да совершится ихъ судьба: они пожнутъ лишь то, что они сами посѣяли.

Война съ Германіей была безусловно необходима. Рано или поздно она должна была разразиться,—слава Богу, что этотъ болѣзненный нарывъ теперь, наконецъ, разрѣзанъ. Мы ведемъ войну за сохраненіе общеевропейскаго мира, потому что лишь при ослабленіи Германіи возможно установленіе мира въ Европѣ. Лишь, когда Германія будетъ радикальнѣйшимъ образомъ излѣчена отъ своей маніи величія, только тогда народы Европы смогутъ вздохнуть свободно. Если же война не будетъ доведена до конца, если у Германіи останется хоть малѣйшая возможность самообольщенія, то дѣло замретъ на мертвой точкѣ, и снова надо будетъ ждать все новыхъ и новыхъ войнъ, все новыхъ и новыхъ кровопролитій, которыя будутъ вызываться все тою же Германіей, мечтающей о главенствѣ надъ всею Европой.

Мы знаемъ, что война вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ видамъ и стремленіямъ Германіи. Нѣмцы лелѣяли мечту о войнѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ, они носились съ нею, какъ со своимъ любимымъ дѣтищемъ, они вскормили въ себѣ ненависть къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ и, наконецъ, когда улучили удобный, по ихъ мнѣнію, часъ, они ринулись на бой съ радостью, съ упоеніемъ, съ восторгомъ. Всѣ знаютъ, что нападающей стороной въ текущей борьбѣ были нѣмцы; ни для кого не секретъ, что это нападеніе было осуществленіемъ стариннаго и излюбленнѣйшаго ихъ желанія. Кто же въ Германіи протестовалъ противъ войны? Даже представители крайней оппозиціи, какъ соціалъ-демократы, оказались такъ же воинственно настроены, какъ выразители мнѣній крайнихъ правыхъ партій въ рейхстагѣ. Война наступательная, война завоеваній и порабощенія сосѣднихъ мирныхъ народовъ объединила всѣ партіи Германіи, такъ какъ такая война была выраженіемъ воли всей германской націи.

При чемъ же тутъ Вильгельмъ? О, въ несеніи отвѣтственности за зло, содѣянное нѣмцами, онъ только „первый среди равныхъ“. Если бы въ настоящій моментъ онъ или Францъ-Іосифъ вдругъ выбыли изъ строя, война продолжалась бы съ прежнимъ ожесточеніемъ, и „тевтонская ярость“ не уменьшилась бы ни на іоту. Точно также, если бы Вильгельма не было на престолѣ, рано или поздно намъ пришлось бы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои права и права всего славянства передъ бѣшенымъ нѣмецкимъ напоромъ. Война все равно разразилась бы.

Вотъ, почему намъ нужно твердо помнить слѣдующее:

„Мы боремся со всѣмъ нѣмецкимъ народомъ, мы боремся съ его завоевательными и поработительскими стремленіями, которыя легли въ основу всей нѣмецкой культуры, нѣмецкаго міровоззрѣнія, нѣмецкихъ пріемовъ, нѣмецкаго образа дѣйствій. Нѣмцы для насъ—злѣйшіе враги, съ которыми у насъ во имя блага, во имя великаго будущаго нашей родины нѣтъ, не можетъ и не должно быть примиренія“.

Сколько лѣтъ живемъ мы бокъ-о-бокъ съ нѣмцами. Скажите, почему русскіе никогда не симпатизировали нѣмцамъ? Почему у насъ никогда не было такого взрыва „нѣмецкихъ симпатій“, подобныхъ, напримѣръ, симпатіи къ французамъ? Между тѣмъ, русскимъ людямъ неоднократно въ силу различныхъ условій приходилось идти рука объ руку съ германцами. Это ни къ чему не приводило: между нами и нѣмцами всегда оставалась стѣна взаимнаго отчужденія.

Такое отношеніе вполнѣ понятно. Нѣмцы всегда насъ ненавидѣли и презирали въ глубинѣ души. Мы имъ были только нужны, какъ бываетъ нуженъ, напримѣръ, дойный скотъ. Они оцѣнивали насъ, какъ своихъ рабовъ—настоящихъ или будущихъ,—это все равно. Ихъ истинныя чувства къ намъ становились намъ понятны, мы угадывали ихъ и, конечно, любить нѣмцевъ и искренно дружить съ ними мы никогда не могли.

Съ одной стороны, нѣмцы смотрѣли на русскихъ, какъ на какую-то грозную, но темную силу, угрожающую всей Европѣ, а въ особенности Германіи. „Опасность велика для Европы“!—восклицаетъ въ своей книгѣ о русскихъ одинъ ученый нѣмецъ:— „Масса славянъ огромна, они уже теперь охватываютъ Европу двумя сильными руками. Казаки явятся на своихъ лошадяхъ со своими нагайками и пиками, и все снесутъ прочь. Потребностей у нихъ нѣтъ, въ разрушеніи они мастера, сердца у нихъ нѣтъ,— они безчувственны. И если перебить сотни тысячъ ихъ, то явятся другія сотни тысячъ, какъ саранча. *До поры, до времени ихъ еще уничтожаетъ водка, которая, при такихъ условіяхъ, можетъ оказаться благодѣтельницей человѣчества*“ [1]).

Какъ характерны эти послѣднія слова въ устахъ нѣмцевъ!

Но съ другой стороны, съ точки зрѣнія нѣмцевъ, русскіе, столь страшные количественно, со стороны своихъ нравственныхъ качествъ представляютъ изъ себя банду рабовъ безсмысленныхъ, жалкихъ и требующихъ для себя только кнута и властнаго го-

---

1) Викторъ Генъ: De moribus ruthenorum (о русскихъ нравахъ).

сподина. Русскій народъ, по словамъ того же автора-нѣмца,—это „народъ безъ творческой силы, забывающійся въ водкѣ, чувствующій себя въ повиновеніи приказу, какъ въ своей природной стихіи, народъ, съ которымъ посредствомъ приказаній и розогъ можно все сдѣлать". Разумѣется, природными повелителями русскаго народа, по мнѣнію нѣмцевъ, могутъ быть только нѣмцы.

Интересно, что такіе презрительные и враждебные взгляды на славянство вообще и на Россію въ частности проводились даже въ нѣмецкой наукѣ. Еще задолго до франко-прусской войны нѣмецкіе ученые проповѣдывали, что призваніе нѣмцевъ заключается между прочимъ въ томъ, чтобы утвердить свое господство надъ славянами. Такъ, нѣмецкій ученый историкъ Трейчке писалъ: „Всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства безполезны, безсмысленны, тщетны и заранѣе осуждены исторіей. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись необходимаго имъ руководства *назначенныхъ имъ Провидѣніемъ* повелителей, учителей и обуздателей, а исторія человѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ. Дальнѣйшее побѣдоносное шествіе и завоевательное движеніе германской стихіи на славянскій востокъ вызывается и требуется всею предыдущею исторіей европейско-христіанской образованности".

Поэтому переселеніе нѣмцевъ въ славянскія страны, а, стало быть, и въ Россію является ступенью къ завоевательнымъ успѣхамъ Германіи. „Желать отъ нѣмцевъ въ Россіи, чтобы они считали себя русскими сердцемъ и душою, какъ выразился Императоръ Николай I, все равно, что требовать, заявилъ печатно одинъ нѣмецъ:—чтобы человѣкъ, ночевавшій въ *конюшнѣ*, считалъ себя *лошадью*".

Вотъ какъ смотрѣли нѣмцы на Россію, такъ гостепріимно открывшую для нихъ свои двери!

Такое воинственное по отношенію къ славянству и Россіи настроеніе господствовало и господствуетъ во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества безъ различія политическихъ направленій. Такъ, соціалъ-демократъ Карлъ Марксъ, авторъ извѣстнаго „Капитала", ненавидѣлъ Россію, считая ее заклятымъ врагомъ нѣмцевъ; въ 1848—1849 году онъ проповѣдовалъ войну съ Россіей. Мало того, онъ указывалъ необходимость наступательнаго движенія Германіи на славянскій востокъ и вытекающаго отсюда порабощенія нѣмцами славянскихъ народностей. Вильгельмъ Либкнехтъ настаивалъ на поддержаніи Турціи противъ Россіи.

Вообще, вражда къ Россіи—это неизмѣнная черта германской соціалъ-демократіи.

Слѣдуетъ отмѣтить, что нѣмцы постоянно ставятъ въ извѣстную связь положеніе Россіи и положеніе Германіи: чтобы Германія могла безпрепятственно возвышаться, необходимо сокрушить Россію. Это мнѣніе особенно ясно высказалъ Дитцель въ своемъ сочиненіи „Россія, Германія и восточный вопросъ", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1853 году: „Слабость Германіи и сила Россіи взаимно обусловлены. Будетъ сильна Германія, и Россія не станетъ внушать страха ни одному ребенку".

Такъ, въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка постепенно накапливалась нѣмецкая ненависть къ Россіи, дошедшая до крайняго своего напряженія въ настоящее время и разразившаяся войною.

Чѣмъ же Россія такъ провинилась передъ Германіей? Единственно тѣмъ, что она была неизмѣнной благодѣтельницей своей надменной сосѣдки въ теченіе минувшаго столѣтія, не разъ спасая ее въ то время, когда она стояла на самомъ краю гибели. Россія дѣлала это совершенно безкорыстно; ради Пруссіи не разъ она приносила безчисленныя жертвы, для себя ровно ничего не выигрывая, но, напротивъ, сплошь да рядомъ поступаясь своими собственными интересами.

Такъ, исключительно благодаря великодушному заступничеству нашего Императора Александра I Благословеннаго передъ Наполеономъ, Пруссія была спасена въ то время, когда мощный завоеватель хотѣлъ стереть ее съ лица земли. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ самое существованіе Германіи было обезпечено только благодаря Россіи. Это прекрасно сознавали правители Пруссіи того времени.

Въ 1818 году Москву посѣтилъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ съ наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ, впослѣдствіи императоромъ германскимъ, дѣдомъ кайзера Вильгельма II. Ко времени ихъ пребыванія въ Москвѣ относится слѣдующій замѣчательный случай.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ спросилъ, не осталось ли въ Москвѣ какого-либо зданія, съ котораго можно было бы разомъ осмотрѣть развалины тогдашней Москвы, еще не возстановленной послѣ страшныхъ пожаровъ 1812 года. Для этого избрали бельведеръ въ домѣ Пашкова, теперешнемъ Румянцевскомъ музеѣ. Когда прусскіе гости со свитою взобрались туда и окинули взглядомъ представившійся имъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, старый король, этотъ деревянный человѣкъ, какъ его

называли, сталъ на колѣни, приказавъ и сыну сдѣлать то же. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ:

„Вотъ наша спасительница“ [1].

Но старая хлѣбъ-соль забывается.

Правнукъ этого благодарнаго прусскаго короля Вильгельмъ II совсѣмъ иначе смотрѣлъ на Москву и на Россію вообще. Еще въ 1902 году въ ахенскомъ офицерскомъ собраніи онъ очень откровенно заявилъ:

„Въ 1912 году я буду сидѣть въ Москвѣ, и никто меня оттуда не выбьетъ“.

Вотъ, стало быть, съ какихъ поръ онъ лелѣялъ мысль о войнѣ съ Россіей, но осуществить ее ему удалось значительно позднѣе того, чѣмъ онъ думалъ. Въ полномъ единомысліи со своимъ народомъ онъ обрекъ все славянство на постепенное порабощеніе нѣмецкой націей. Война съ Россіей должна нанести первый и смертельный ударъ вѣковой защитницѣ славянства— Россіи. Обезсиливъ ее, Германія свободно могла бы распоряжаться судьбами славянскихъ народовъ, которые являются въ глазахъ нѣмцевъ „навознымъ народомъ“, удобреніемъ для нѣмецкихъ полей.

Не мѣшаетъ упомянуть, что точно также, то есть выше головы обязана и Австрія русскому неисчерпаемому великодушію. Не говоря уже о томъ, что она получила множество выгодъ, исключительно благодаря помощи Россіи въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, можно привести событіе болѣе поздняго времени. Нашъ теперешній врагъ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ удержался на престолѣ въ 1849 году только благодаря своевременно поданной ему помощи русскимъ императоромъ Николаемъ I.

Вотъ, что пишетъ объ этомъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ знаменитый Бисмаркъ:

„Едва ли во всей исторіи европейскихъ государствъ можно найти другой такой случай, чтобы Государь одной великой державы оказалъ своему сосѣду такія услуги, какія оказалъ императоръ Николай австрійской монархіи. Въ томъ угрожаемомъ положеніи, въ какомъ находилась австрійская монархія въ 1849 году, онъ явился къ ней на помощь съ 150-тысячною арміей, подавилъ въ Венгріи возстаніе, возстановилъ тамъ снова королевскую власть и увелъ свои войска, не потребовавъ никакого вознагражденія, никакихъ выгодъ. Эту безкорыстную дружескую услугу

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Т. IV.

въ области внутренней политики Австро-Венгріи императоръ Николай продолжилъ въ дни Ольмюца не меньшей услугой въ области внѣшней политики".

Извѣстно, что Австрія всегда черной неблагодарностью платила Россіи—„удивляла міръ своей неблагодарностью". Въ этомъ качествѣ ей неизмѣнно сопутствовала и Германія. Теперь обѣ эти державы, опираясь на свои силы, заранѣе заготовленныя, задумали напасть на Россію, чтобы сокрушить ее своею мощью, которая образовалась у нихъ благодаря русской помощи и русской поддержкѣ.

Но „не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ"—воскликнулъ нѣкогда святой князь Александръ Невскій, когда онъ вышелъ на бой съ огромными полчищами нѣмцевъ, предводительствуемыхъ Биргеромъ. Вѣра святого князя не обманула его: нѣмцы были въ конецъ разгромлены въ страшной битвѣ, именующейся въ памяти народной „ледовымъ побоищемъ".

И теперь Россія можетъ повторить, что свой мечъ она подняла не ради тщетной славы, не ради завоеваній, но во имя правды мы были вынуждены его обнажить, побуждаемые непрощаемой обидой и оскорбленіемъ незабываемымъ. Какъ всегда, наше оружіе блеститъ во имя попранной справедливости, и наша первая задача—это возстановленіе правды. Мы допускаемъ, что долготерпѣніе Божіе можетъ дать длительное торжество неправдѣ, но мы знаемъ, что Богъ видитъ правду и, наконецъ, скажетъ ее. Въ гигантской борьбѣ державъ русскому народу выпала на долю великая миссія стать орудіемъ Господа въ возстановленіи права и справедливости въ Европѣ. Мы боремся не ради завоеванія новыхъ владѣній, но во имя освобожденія народовъ отъ ига чужеземцевъ.

IV.

Изъ всего, что сказано выше, вытекаетъ одно вполнѣ ясное и непререкаемое положеніе, что нѣмцы, рѣшаясь на войну, прежде всего надѣялись на грубую силу, которой они хотѣли подчинить себѣ славянство и Россію. Но Россія вышла на бой съ Германіей, чтобы отстоять и защитить попранную нѣмцами *правду*.

У нѣмцевъ во всей ихъ политикѣ, во всемъ ихъ міровоззрѣніи проглядываетъ одна основная черта: обожествленіе силы. Недаромъ они давно уже выставили одинъ лозунгъ: сила выше права. Этотъ лозунгъ они усердно проводятъ въ жизнь, облекая его въ плоть и кровь всѣми своими дѣйствіями. Даже тогда, ко-

гда Пруссія была еще маленькимъ государствомъ, она держала громадную армію, она напрягала всѣ свои силы, чтобы вооружаться и вооружаться безъ конца. Съ тѣхъ же поръ, какъ пруссаки разгромили французовъ и объединили всю Германію, ставшую имперіей, они еще сильнѣе стали прилагать всѣ заботы объ увеличеніи своей военной силы. Вся ихъ надежда возлагалась на армію. Для нихъ ихъ вооруженія были нужны не для защиты отъ сосѣдей, но для нападенія, для завоеванія новыхъ земель, для безмѣрнаго расширенія ихъ владычества надъ окружающими народами.

Къ тому же до франко-прусской войны нѣмцы были по преимуществу народомъ земледѣльческимъ и землевладѣльческимъ. Послѣ своей побѣды надъ французами Германія становится страною торговой. Вчерашній земледѣлецъ, сидѣвшій на своей пашнѣ, превращается въ жаднаго купца, ищущаго для себя новыхъ покупателей и новыхъ рынковъ. Тутъ для нихъ основной заботой выступаетъ сокрушеніе ихъ конкурентовъ на этомъ поприщѣ.

Германія быстро пошла въ гору. Она богатѣла не по днямъ, а по часамъ. Десятимилліардная контрибуція, взятая послѣ побѣды съ французовъ, дала нѣмцамъ возможность поставить на громадную высоту хозяйственную дѣятельность страны. Населеніе преуспѣвало, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и размножалось. Такъ, въ 1871 году населеніе Германіи составляло 41 милл., въ 1881 году 45 милл., въ 1891 году 50 милл., въ 1901 году 57 милл., въ 1911 году 66 милл. и въ настоящее время—около 70 милліоновъ. Между тѣмъ земли у нѣмцевъ было мало для такого количества жителей. Имъ стало тѣсно въ предѣлахъ ихъ владѣній, а явился острый и больной вопросъ, куда дѣваться излишку народонаселенія.

Уже издавна нѣмцы начали переселяться въ другія страны и тамъ искать для себя новой родины. Любопытно, что эти переселенцы и въ другихъ государствахъ оставались попрежнему нѣмцами, хранящими крѣпкую связь съ своимъ государствомъ. Эту связь, конечно, усиленно поддерживали германскіе правящіе круги. 1 іюня 1870 года былъ изданъ особый законъ о „двойномъ подданствѣ“: по этому закону нѣмецъ, переселившійся въ иностранное государство, можетъ принять подданство въ этой странѣ, но оставаться въ то же время и германскимъ подданнымъ. Другими словами, принятіе иностраннаго подданства является лишь маскою, чтобы пользоваться всѣми правами въ пріютившей пришельца странѣ. На самомъ же дѣлѣ нѣмецъ остается на вѣки вѣчные полноправнымъ гражданиномъ своего покинутаго

отечества, которому онъ долженъ служить всѣми силами и средствами и на чужбинѣ. Чтобы оставаться вѣрноподданнымъ германскаго императора, нѣмцу, принявшему иностранное подданство, достаточно разъ въ десять лѣтъ занести свое имя въ особый списокъ у нѣмецкаго консула.

Такіе „двойные подданные", вышедшіе изъ нѣдръ германской имперіи, являются передовыми отрядами завоевательныхъ стремленій нѣмцевъ. Особенно много подобныхъ переселенцевъ хлынуло къ намъ въ Россію, гостепріимно раскрывшую для нихъ свои двери. Ихъ усиліями возросло, окрѣпло и достигло небывалыхъ размѣровъ нѣмецкое засилье внутри нашей родины, съ которымъ теперь приходится бороться съ такимъ трудомъ и съ такимъ напряженіемъ.

„Германскій духъ стремится къ міровладычеству"—заявилъ еще въ 1902 году императоръ Вильгельмъ II въ Аахенѣ, выражая тѣмъ самымъ завѣтныя желанія своего народа, мечтающаго о превращеніи германской имперіи въ такую же всемірную имперію, какой нѣкогда была великая имперія Римская. Нѣмецкіе переселенцы выступаютъ представителями *мирнаго завоеванія* чужихъ странъ подъ пяту нѣмцевъ.

Но нѣмцы расширяли свои владѣнія внѣ предѣловъ Германіи также путемъ присоединенія подъ свою власть колоній. Предметомъ ихъ зависти и подражанія были англичане. Англія, какъ извѣстно, занимая площадь въ 121.400 кв. миль съ населеніемъ въ 45 милліоновъ, владѣетъ колоніями, площадью въ 11.345.894 квадр. миль съ населеніемъ въ 350 милліоновъ. Эти колоніи составляютъ основу англійской силы и богатства.

Къ такому же благополучію рѣшила устремиться и Германія.

Съ 1884 года Германія стала обзаводиться колоніями и дѣйствительно пріобрѣла, отчасти путемъ захвата, отчасти покупкой, довольно крупныя владѣнія, особенно въ Африкѣ и въ архипелагахъ Великаго океана. Общая площадь ея колоніальныхъ владѣній достигаетъ 1.027.820 квадр. миль. Однако, нѣмцы взялись за пріобрѣтеніе колоній слишкомъ поздно. Лучшія мѣста на земномъ шарѣ были уже заняты другими народами главнымъ образомъ англичанами и французами. Интересы нѣмцевъ внѣ предѣловъ ихъ имперіи непрестанно сталкивались съ интересами этихъ двухъ государствъ. Къ тому же пріобрѣтенныя нѣмцами колоніи были неудобны во многихъ отношеніяхъ и вслѣдствіе неблагопріятнаго для европейцевъ климата, и вслѣдствіе дикости населенія. Несмотря на всѣ усилія нѣмцевъ улучшить ихъ, эти земли далеко

не оправдывали тѣхъ ожиданій, которыя на нихъ возлагали ихъ хозяева—германцы.

Съ нескрываемой жадностью германцы смотрѣли на колоніи французскія и англійскія, видя что ихъ собственныя колоніи не даютъ имъ такого дохода и не оправдываютъ затрачиваемыхъ на нихъ силъ и средствъ, какъ это дѣлается у англичанъ и французовъ.

Нѣмцы усиленно стали искать для себя новаго поля для дѣятельности и для захватовъ.

Они устремили свои взоры на Балканы и на Турцію. Турція легко поддалась нѣмецкому вліянію, и нѣмцы стали всѣми силами утверждать это вліяніе въ Малой Азіи. Шагъ за шагомъ экономическое подчиненіе Турціи нѣмцамъ совершилось. Фактически Турція уже начала обращаться въ нѣмецкую колонію. Особеннымъ успѣхомъ нѣмцевъ была начатая ими при поддержкѣ турецкаго правительства постройка Багдадской желѣзной дороги, открывающей удобный путь въ Месопотамію, которая при благодатномъ климатѣ и великолѣпной почвѣ можетъ принять болѣе 15 милліоновъ переселенцевъ.

Но планы нѣмцевъ подверглись большой опасности послѣ того, какъ вспыхнула война балканскихъ государствъ съ Турціей, закончившаяся пораженіемъ Турціи. Усиленіе балканскихъ государствъ стало на пути осуществленія германскихъ замысловъ относительно Турціи. Вотъ почему нѣмцамъ такъ потребовалось нападеніе Австріи на Сербію съ цѣлью полнаго сокрушенія этой послѣдней. Лишь при ослабленіи балканскихъ государствъ нѣмцы могли бы безпрепятственно хозяйничать въ Малой Азіи.

Россія является естественною защитницей славянъ. Она слишкомъ живо заинтересована на Ближнемъ Востокѣ, чтобы, сложа руки, смотрѣть на нѣмецкіе козни и захваты, какъ на Балканахъ, такъ и въ Малой Азіи. Нѣмцы это учли превосходно, но они разсчитывали, что въ настоящее время послѣ русско-японской войны и послѣ волненій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за портсмутскимъ договоромъ, Россія такъ ослаблена, что она не рѣшится на защиту славянскихъ интересовъ. Тогда все дѣло Россіи въ этихъ областяхъ, ведшееся съ такимъ трудомъ и съ такимъ порывомъ, рухнуло бы безвозвратно. Если бы Россія уступила передъ нѣмецкими домогательствами тутъ, то это равнялось бы полному ея разгрому—это было бы хуже самаго страшнаго пораженія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Вотъ почему глубоко былъ правъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, сказавшій въ своей рѣчи въ Государ-

ственной Думѣ 26 іюля 1914 года относительно заступничества Россіи за Сербію.

„Было ясно, что для насъ не вступиться въ дѣло, значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиною Германіи для Европы есть законъ“.

Такимъ образомъ, надежды жадной хищницы Германіи однимъ ударомъ утвердиться въ этомъ направленіи, разбились вдребезги о мощную и непреклонно-выраженную волю Россіи, ставшей на пути нѣмецкихъ вожделѣній.

Главной соперницей Германіи, какъ въ ея колоніальной политикѣ, такъ и въ міровой торговлѣ, является Англія. Германія задалась дерзкой мыслью, во что бы то ни стало вырвать у англичанъ ихъ „владычество на моряхъ“. Нѣмцы рѣшили стать первыми на морѣ и оттѣснить Англію на второй планъ, тѣмъ самымъ угрожая ихъ колоніямъ и подрывая ихъ торговлю.

„Наше будущее лежитъ на водѣ“—торжественно провозгласилъ въ Штетинѣ въ 1890 г. императоръ Вильгельмъ, а въ 1898 году въ одной телеграммѣ онъ такъ развилъ свою мысль: „Сильный военный флотъ является однимъ изъ необходимѣйшихъ условій величія и могущества имперіи и успѣшнаго развитія нашихъ экономическихъ интересовъ“.

Съ этихъ поръ начинается лихорадочно быстрое возрастаніе нѣмецкаго флота. На его постройку тратятся грандіозныя средства, тяжкимъ бременемъ ложащіяся на нѣмецкое населеніе. Англія, видя такую работу нѣмцевъ, также обращаетъ свое вниманіе на усиленіе своего флота, и обѣ державы строютъ одни за другими панцырныя суда, подводныя лодки и другія приспособленія для морской войны. Несмотря на всѣ свои старанія, Германія не могла сравняться съ Англіей, но, какъ морская держава, она заняла все же второе мѣсто послѣ Англіи.

Между тѣмъ, въ сбытѣ своихъ товаровъ нѣмцы не только догнали, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превзошли англичанъ. Главнымъ образомъ, германскіе продукты, сбываемые на рынкахъ, брали своей дешевизной.

Но Англія, увѣренная въ своемъ могуществѣ, довольно спокойно относилась къ германскимъ притязаніямъ. У нея никогда не являлось серьезнаго опасенія, что Германія рѣшится пойти на войну съ нею. Въ этомъ англичанъ убѣждала большая осторожность и бережность въ отношеніяхъ германцевъ къ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмцы, напирая на Россію и даже на Францію, придерживаясь по отношенію къ этимъ державамъ

самаго вызывающаго образа дѣйствій, съ англичанами сохраняли всю возможную любезность и предупредительность.

Нѣмцы знали, что къ рѣшительной борьбѣ съ Англіей они еще не готовы. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ они готовились къ нападенію и на англичанъ.

Вся надежда нѣмцевъ покоилась на все возраставшей ихъ военной силѣ. Ихъ національнымъ гимномъ стали стихи ихъ поэта Гофмана фонъ Фаллерслебена, сочиненные имъ въ началѣ сороковыхъ годовъ:

Deutschland, Deutschland über Alles,
Über Alles in der Welt
(Германія, Германія превыше всего,
Превыше всего на свѣтѣ).

Какъ же идти къ этому владычеству германцевъ надъ всѣмъ міромъ?

„Сперва тихою сокровенной работой подготовимъ мы почву, затѣмъ выступимъ, какъ избранное орудіе Божія Промысла“— говорилъ въ одной изъ рѣчей своихъ Вильгельмъ II.

Это выступленіе нѣмцевъ должно было быть вооруженнымъ выступленіемъ, выступленіемъ на полѣ брани съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ. Недаромъ же кумиръ нѣмецкаго народа Бисмаркъ утверждалъ, что „не рѣчами и постановленіями большинства рѣшаются великіе вопросы времени, но желѣзомъ и кровью“.

Пруссія, задававшая тонъ всей остальной Германіи, была всегда военнымъ государствомъ. За послѣднее время издержки на военныя нужды въ Германіи перешли всякіе предѣлы, но нѣмцы не протестовали противъ военныхъ налоговъ, обременявшихъ ихъ до послѣдней степени. Они ждали всего отъ арміи, отъ одной только своей военной мощи. „Смѣлость и сила все преодолѣваютъ“—вотъ, къ чему сводились ихъ чаянія. Германія, съ ихъ точки зрѣнія, была „страною воиновъ“. Въ націи неизмѣнно укрѣплялась „воля къ власти“, „воля къ насилію“, „воля къ побѣдѣ“. Нѣмецъ спалъ и во снѣ видѣлъ войну, которая должна будетъ осыпать его всѣми благами земными, дать ему несмѣтныя богатства, какъ это было послѣ франко-прусской войны.

Поэтому-то для нѣмецкихъ гражданъ сотни милліоновъ и милліардовъ марокъ, затраченныхъ на флотъ и армію, представляли самое выгодное помѣщеніе капитала. Когда-нибудь—предполагали нѣмецкіе граждане—всѣ эти груды золота должны будутъ вернуться съ лихвенными процентами.

Правитель нѣмцевъ Вильгельмъ II и въ этомъ отношеніи былъ типичнѣйшимъ представителемъ своего народа. Онъ вышелъ въ свой родъ Гогенцоллерновъ, по мнѣнію которыхъ политика всегда должна служить только войнѣ, а война должна нести счастье и благоденствіе нѣмецкому государству за счетъ побѣжденныхъ и униженныхъ народовъ и племенъ.

Одинъ изъ жизнеописателей нынѣшняго нѣмецкаго императора приводитъ слѣдующія характерныя подробности о годахъ юности Вильгельма II.

Когда Вильгельмъ былъ еще мальчикомъ, то въ паркѣ Сансуси близъ дворца кронпринца высилась мачта съ реями, парусами и веревочными лѣстницами. Это было одно изъ любимыхъ мѣстъ для игръ принцевъ. Мачта представляла изъ себя торговый корабль, а играющіе раздѣлялись на двѣ партіи—одна изображала купцовъ и матросовъ торговаго корабля, другая—пиратовъ, Пираты съ яростью врывались на судно, экипажъ спасался на мачту, но ихъ и тамъ преслѣдовали безпощадные разбойники. Въ роли предводителя пиратовъ неизмѣнно выступалъ принцъ Вильгельмъ, нынѣ императоръ германскій.

Можно смѣло сказать, какая это была пророческая игра и какъ угадалъ въ ней свою будущую роль кайзеръ Вильгельмъ!

Когда онъ сталъ студентомъ Боннскаго университета, онъ ужасно интересовался дуэлями между студентами и неуклонно посѣщалъ ихъ. За борьбою онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ трепетомъ дожидался конца. Цѣлый часъ онъ стоялъ возлѣ дерущихся, блѣдный, взволнованный, слѣдя за быстрыми движеніями шпагъ. Онъ былъ счастливъ на этихъ кровавыхъ упражненіяхъ, гдѣ частенько кусокъ носа или щеки летѣлъ на песокъ подъ ловкимъ ударомъ шпаги.

Обычная кровожадность и преклоненіе передъ грубой физической силой, столь характерныя для нѣмцевъ, нашли достойнаго представителя въ лицѣ монарха Германіи.

Когда онъ сталъ императоромъ, онъ въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ неизмѣнно указываетъ на ту роль, которая выпала на долю его арміи.

„Единственной опорой, на которой всегда покоилось наше государство, была и продолжаетъ быть армія“,—говорилъ онъ однажды. „Благодаря нашимъ несравненнымъ военнымъ традиціямъ, моя армія останется всегда тѣмъ инструментомъ, въ которомъ я нуждаюсь, дабы моей политикѣ было на что упереться. Тамъ, гдѣ перо, само по себѣ, больше ничего не можетъ сдѣлать, на помощь ему долженъ придти острый мечъ“,—говорилъ онъ въ

другой разъ. Еще задолго до войны онъ провозглашаетъ здравицу „за сухой порохъ, за мечъ и за вооруженный народъ“. Символомъ Германіи въ его глазахъ является мечъ: это, какъ онъ высказалъ въ одной своей рѣчи,—„символъ того великаго могучаго строительства, цементомъ которому служитъ кровь и желѣзо, матеріалъ, который никогда не измѣняетъ, а въ рукахъ царей и правителей, когда это требуется, обезпечиваетъ и внутри сплоченность, приведшую въ свое время къ объединенію извнѣ“.

Не лишено значеніе, что Вильгельмъ называлъ владѣльца знаменитаго пушечнаго завода Альфреда Круппа своимъ „близкимъ другомъ“ и „истиннымъ нѣмцемъ, жившимъ только для счастья и блага своей родины“.

Русская пословица говоритъ: „каковъ баринъ, таковы и слуги“. Нѣмцы нашли для себя въ Вильгельмѣ настоящаго повелителя, соотвѣтствующаго всѣмъ ихъ видамъ и намѣреніямъ, отвѣчающаго всецѣло своими склонностями особенностямъ національнаго характера.

V.

На чемъ основывалось рѣшеніе нѣмцевъ воевать въ настоящее время во что бы то ни стало? Главнымъ образомъ, на томъ, что они считали себя совершенно готовыми къ войнѣ, что настоящій моментъ для нихъ благопріятенъ, какъ нельзя больше, и что тѣ державы, на которыя они рѣшились напасть, теперь по слабости своей не могутъ дать имъ отпора. „Если мы теперь не рѣшимся воевать,—откровенно заявляли австрійскія и нѣмецкія газеты,—то война, которую мы вынуждены будемъ вести черезъ два или три года, начнется при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ“. Германія надѣялась на то, что Россія приведена къ полнѣйшему упадку своими внутренними неурядицами, а Франція совершенно обезсилена уже съ давнихъ поръ; что же касается до Англіи, то нѣмцы свято вѣрили въ то, что англичане не вмѣшаются въ столкновеніе державъ на европейскомъ материкѣ въ виду того, что у Англіи достаточно своихъ внутреннихъ хлопотъ.

Нѣмецкое общественное мнѣніе было подготовлено въ томъ смыслѣ,—зачѣмъ-де ждать, когда на насъ нападутъ? Россія давно-де злоумышляетъ противъ Германіи, стало-быть, пока она еще слаба, тутъ-то и надо напасть на нее, чтобы обезсилить ее и отнять у нея все, что только нужно и полезно для нѣмцевъ.

На первомъ планѣ стояла у нѣмцевъ задача „истребленія проклятой сербской расы во имя человѣчности“, какъ вырази-

лась одна вѣнская газета. Въ Германіи распространялись открытки съ такимъ изображеніемъ: надъ маленькимъ сербомъ занесенъ громадный кулакъ, и подъ картинкой красовалась надпись: „Сербія должна погибнуть“.

Кайзеръ Вильгельмъ задумалъ на первый разъ убѣдить Россію, чтобы она не мѣшала австрійцамъ уничтожить Сербію, а это означало бы неслыханное униженіе русскаго государства и полное паденіе его значенія въ глазахъ всей Европы. Ежели бы Россія вздумала поддерживать сербовъ, несмотря на твердо выраженную волю Германіи, то Вильгельмъ, какъ онъ заявилъ: „сотретъ въ порошокъ Россійскую имперію“.

Въ отвѣтной телеграммѣ нашему Государю Вильгельмъ лицемѣрно заявлялъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ стремленіе русскаго Царя сохранить миръ. „Однако,—прибавлялъ онъ,—я не могу считать дѣйствія Австро-Венгріи постыдною войною“. Мало того, Вильгельмъ имѣлъ наглость сдѣлать такое предложеніе: „я полагаю, что для России было бы вполнѣ возможно сохранить роль зрителя въ австро-сербской войнѣ, не вовлекая Европу въ ужаснѣйшую изъ войнъ, какія когда-либо существовали“.

Германская дипломатія была почти убѣждена, что Россія испугается нѣмецкой рѣшимости, уступитъ и бросить безпомощную Сербію на произволъ судьбы. Эта увѣренность даже высказывалась вслухъ. Нѣмецкіе дипломаты не стѣснялись заявлять о ней англичапамъ въ томъ смыслѣ, что Россія не посмѣетъ выступить, а союзная съ нею Франція настолько слаба, что она не можетъ и помышлять о войнѣ. „Австрійскій посолъ сказалъ мнѣ сегодня,—писалъ 15 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ своему правительству,—что всеобщая война въ высшей степени невѣроятна, такъ какъ Россія *не хочетъ* и *не можетъ* вести войну. Мнѣ кажется, что это мнѣніе раздѣляется въ Берлинѣ весьма многими“.

Но въ этомъ нѣмцы горько ошиблись. Россія попрежнему оставалась могучей и грозной державой. Она и мысли не допускала оставить безъ защиты обреченныхъ на гибель германцами своихъ братьевъ сербовъ.

15 іюля Австрія объявила войну Сербіи.

16 іюля Россія въ отвѣтъ на этотъ шагъ Австріи объявила частную мобилизацію, направленную противъ Австріи.

Объ этомъ мѣропріятіи русское правительство искренно и честно еще загодя предупредило Германію. 14 іюля, по просьбѣ министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова, военный министръ В. А. Сухомлиновъ пригласилъ къ себѣ германскаго военнаго

агента и сказалъ ему, что, при переходѣ Австро-Венгріей сербской границы, въ Россіи будутъ мобилизованы Кіевскій, Одесскій, Московскій и Казанскій округа.

Нашъ Государь Своей телеграммой извѣстилъ Вильгельма, что мобилизація отнюдь не направлена противъ Германіи, и что Его живѣйшее желаніе остается, во что бы то ни стало, спасти Европу отъ ужасовъ войны.

Вотъ эта знаменательная телеграмма отъ 18 іюля Вильгельму:

„Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, которое даетъ надежду, что все еще можетъ кончиться миромъ. Остановить сейчасъ наши военныя приготовленія, вызванныя мобилизаціей въ Австріи, технически невозможно. Мы далеки отъ желанія начинать войну. Пока не прервутся переговоры между Австріей и Сербіей, войска Мои не предпримутъ никакихъ активныхъ дѣйствій. Даю тебѣ въ этомъ Мое торжественное обѣщаніе. Я съ вѣрою уповаю на милость Божію и на успѣхъ твоего посредничества въ Вѣнѣ на пользу европейскаго мира и на благо нашихъ странъ“.

Рѣшимость Россіи была неожиданностью для Германіи и для Вильгельма. Кайзеръ вышелъ изъ себя и закусилъ удила. Во время начала столкновенія между Австріей и Сербіей, Вильгельмъ путешествовалъ по норвежскимъ фіордамъ: это была его уловка, чтобы показать, будто онъ лично не при чемъ во всѣхъ совершавшихся событіяхъ, которыми онъ, на самомъ дѣлѣ, руководилъ приказами и распоряженіями изъ своей отлучки. Къ 15 іюля онъ вернулся въ Берлинъ и принялся дѣйствовать со свойственной ему порывистостью и крутостью.

Онъ поставилъ такъ дѣло: или пусть Россія броситъ Сербію на растерзаніе Австріи, или Германія будетъ воевать съ Россіей. Узнавши о мобилизаціи русскихъ войскъ, онъ бросаетъ такое оскорбительное требованіе Россіи: „Если Россія согласится сейчасъ прекратить свои военныя приготовленія, направленныя противъ Австро-Венгріи, миръ еще можетъ быть сохраненъ для Европы“.

Понятно, что Россія не могла на это пойти.

Но тутъ-то выказалась вся необычайная низость германской политики, которая сразу же вступила на недостойный путь лжи, обмана и злостныхъ передержекъ въ своихъ словахъ и заявленіяхъ.

Примѣръ дипломатическихъ подлоговъ подала Австрія: она устами своего императора заявила, что Сербія категорически отказала исполнить предъявленныя ей требованія, — мало того

Австрія скрыла подлинный миролюбивый отвѣтъ Сербіи. Оффиціальныя телеграммы изъ Бѣлграда съ изложеніемъ содержанія сербскаго отвѣта нарочно задерживались австрійскимъ правительствомъ; депеша въ Парижъ шла двадцать часовъ, а нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ возможность ознакомиться съ сербскимъ отвѣтомъ лишь черезъ два дня, послѣ уже состоявшагося разрыва дипломатическихъ сношеній между Австріей и Сербіей.

Нѣмцы пошли по стопамъ своихъ друзей австрійцевъ: ихъ дипломаты старались завѣрить европейскія державы, что Германія совершенно не участвовала въ подготовкѣ австрійскаго выступленія, но сами же дипломаты опровергали свои утвержденія тѣмъ, что указывали на свою безусловную обязанность поддерживать австрійскія домогательства всѣми мѣрами.

Нѣмцы и на этомъ не остановились.

Вильгельмъ рѣшилъ представить дѣло такъ, что нападающей стороной явилась Россія и на нее падаетъ вся отвѣтственность за начало военныхъ дѣйствій.

Прекрасно охарактеризовано создавшееся положеніе слѣдующей телеграммой нашего министра иностранныхъ дѣлъ русскимъ представителямъ заграницей:

„Несомнѣнно ясно, что уже нынѣ Германія стремится переложить на насъ отвѣтственность за разрывъ. Наша мобилизація была вызвана громадной отвѣтственностью, которая создалась бы для насъ, если бы мы не приняли всѣхъ мѣръ предосторожности въ то время, какъ Австрія, ограничиваясь переговорами, носившими характеръ проволочки, бомбардировала Бѣлградъ и произвела полную мобилизацію“.

„Государь Императоръ своимъ словомъ обязался передъ германскимъ императоромъ, что не предприметъ никакихъ вызывающихъ дѣйствій, пока продолжаются переговоры съ Австріей. Послѣ такого ручательства и послѣ всѣхъ доказательствъ миролюбія Россіи, Германія не имѣла права и не могла сомнѣваться въ нашемъ утвержденіи, что мы примемъ съ радостью всякій исходъ, совмѣстный съ достоинствомъ и независимостью Сербіи. Иной исходъ былъ бы совершенно несовмѣстимъ съ нашимъ собственнымъ достоинствомъ и, конечно, поколебалъ бы равновѣсіе Европы, утвердивъ въ ней первенство Германіи. Этотъ европейскій міровой характеръ столкновенія безконечно важнѣе повода, его создавшаго. Рѣшивши объявить намъ войну въ то время, когда между державами велись переговоры, Германія этимъ приняла на себя тяжелую отвѣтственность“.

Пока Россія всѣ усилія свои напрягала на то, чтобы какъ-нибудь сохранить міръ, Германія дѣятельно готовилась къ войнѣ. Германскій посолъ во Франціи фонъ-Шенъ запугивалъ французское правительство своими угрозами, чтобы оно не вздумало вмѣшаться въ дѣла. „Германское правительство,—говорилъ онъ,—считаетъ, что настоящій вопросъ касается исключительно Австро-Венгріи и Сербіи и долженъ быть разрѣшенъ только между ними безъ всякаго участія и вмѣшательства другихъ державъ, такъ какъ это вмѣшательство должно было бы, въ силу естественнаго дѣйствія союзовъ, вызвать неисчислимыя послѣдствія".

Вильгельмъ, видя рѣшимость Россіи, пошелъ на самую невѣроятную ложь, какую только можно себѣ представить. Онъ торжественно во всеуслышаніе провозгласилъ, что военныя приготовленія Россіи направлены не противъ Австріи, а противъ Германіи, что русскіе сосредоточиваютъ свои войска у его восточныхъ границъ, что Россія желаетъ предательски напасть на него; съ этихъ поръ онъ въ своихъ рѣчахъ и обращеніяхъ къ народу упорно твердилъ завѣдомую и для всѣхъ очевидную ложь: „На насъ напали, мы должны были защищаться".

Для чего Вильгельму понадобилась ложь? Съ одной стороны у него появилась надежда, что европейскія державы повѣрятъ ему и предоставятъ Россіи одной воевать съ Германіей. Къ тому же, по союзному договору, Италія должна была лишь въ томъ случаѣ воевать съ Германіей и Австріей рука объ руку, ежели бы на Германію и Австрію было бы произведено нападеніе со стороны сосѣднихъ державъ. Эта надежда Вильгельма не оправдалась: для всѣхъ было ясно, что нападающей стороной все время были нѣмцы и одни только нѣмцы. Вотъ, почему они и остались одиноки въ своей борьбѣ, и ихъ прежняя союзница Италія отступилась отъ нихъ.

Но съ другой стороны, своими лживыми заявленіями Вильгельмъ разсчитывалъ воздѣйствовать на свой народъ, заставить его выйти изъ себя, разбудить въ немъ пресловутую тевтонскую ярость.

Надо отдать справедливость, что тутъ онъ достигъ удивительнаго успѣха. При объявленіи войны нѣмцы показали себя въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, и ихъ бѣшенство обрушилось на несчастныхъ русскихъ путешественниковъ, застигнутыхъ войною въ германскихъ предѣлахъ.

Вотъ, какъ разсказываетъ о германскихъ звѣрствахъ надъ русскими путешественниками наше правительственное сообщеніе.

Почти немедленно по объявленіи Германіей войны въ Россію начали доходить тревожныя извѣстія объ участи русскихъ подданныхъ, въ большомъ количествѣ находившихся въ то время въ различныхъ нѣмецкихъ курортахъ или возвращавшихся изъ Австріи, Швейцаріи или Франціи. Вскорѣ стали появляться уже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о грубомъ, безчеловѣчномъ обращеніи нѣмецкаго населенія и германскихъ властей со всѣми русскими, не исключая даже женщинъ и дѣтей.

Возвращавшіеся въ большомъ количествѣ изъ Германіи бѣглецы не только подтверждали единогласно почти всѣ уже попавшія въ печать извѣстія о звѣрствахъ, чинимыхъ въ Германіи надъ беззащитными русскими путешественниками, но зачастую сообщали еще болѣе ужасающія подробности о поистинѣ безчеловѣчномъ обращеніи нѣмецкой толпы, солдатъ и даже германскихъ властей съ нашими соотечественниками.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что берлинскія власти не сумѣли или не пожелали оградить отъ насилій и издѣвательства толпы даже оффиціальныхъ дипломатическихъ представителей, аккредитованныхъ при различныхъ германскихъ дворахъ, и членовъ русскаго посольства въ Берлинѣ. Несмотря на то, что полиціи не могъ не быть извѣстенъ точный часъ отбытія изъ Берлина состава посольства, такъ какъ часъ отправленія поѣзда былъ назначенъ германскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, выѣздъ оффиціальныхъ русскихъ представителей на станцію желѣзной дороги сопровождался не только шумными, враждебными Россіи демонстраціями и грубой площадной бранью, но и нападеніемъ озвѣрѣвшей толпы на экипажи, выѣзжавшіе изъ воротъ посольства съ членами русскаго посольства въ Берлинѣ и русскихъ миссій въ столицахъ другихъ германскихъ государствъ. При этомъ почти всѣ изъ сидѣвшихъ въ экипажахъ получили изъ толпы болѣе или менѣе сильные удары по спинѣ, затылку и плечамъ. Пострадали между прочимъ: посланникъ въ Карлсруэ графъ Бревернъ-де-ла-Гардъ и его жена, а также супруга посланника въ Стутгартѣ г-жа Лермонтова, о спину коей сломалъ свой зонтикъ пожилой господинъ съ большой сѣдой бородой въ золотыхъ очкахъ.

Перечислять всѣ случаи грубаго насилія и жестокости, которые пришлось претерпѣть въ Германіи русскимъ путешественникамъ, безъ различія ихъ возраста, пола и общественнаго положенія, было бы немыслимо. Приходится ограничиться лишь указаніемъ на отдѣльные случаи. Судя по тщательно провѣреннымъ показаніямъ многихъ возвращавшихся въ это время на-

шихъ соотечественниковъ, имъ пришлось претерпѣть слѣдующія испытанія: они перевозились въ вагонахъ, предназначенныхъ для скота, изъ которыхъ даже еще не былъ убранъ навозъ; въ городахъ, въ которыхъ имъ приходилось останавливаться, они помѣщались зачастую въ конюшняхъ, свиныхъ хлѣвахъ, карантинныхъ помѣщеніяхъ для скота, на бойняхъ (напримѣръ въ Штеттинѣ); окруженные солдатами русскіе, въ большинствѣ женщины и дѣти, причемъ часто больные, перегонялись черезъ городъ такимъ скорымъ шагомъ—иногда съ поднятыми кверху руками (въ Кенигсбергѣ), что женщины падали въ изнеможеніи (въ Ней-Стрелицѣ, Штеттинѣ, Ростокѣ, Бреславлѣ); отходить въ сторону или оборачиваться запрещалось подъ угрозою немедленнаго разстрѣла. Одного дряхлаго старика при подобномъ перегонѣ черезъ Ней-Стрелицъ (20 и 21 іюля) за то, что онъ бросилъ въ сторону тяготившій его пакетъ, полицейскій изо всей силы ударилъ по головѣ кулакомъ. Полицейская собака, находившаяся тутъ же, кинулась на упавшаго отъ удара старика и искусала въ кровь все лицо (показанія шталмейстера кн. Урусова). На всѣхъ этапахъ (Алленштейнъ, Ростокъ и т. д.) при посадкѣ въ вагоны солдаты заталкивали дамъ и дѣтей кулаками и ружейными прикладами, причемъ отдѣльные члены семьи разлучались, и было много случаевъ потери малолѣтнихъ.

По нѣсколько дней почти совсѣмъ не приходилось ѣсть, и власти отказывали иногда въ питьевой водѣ. Все это сопровождалось глумленіемъ надъ несчастными, застращиваніемъ, постоянными угрозами разстрѣла, дѣйствовавшими самымъ угнетающимъ образомъ на женщинъ и дѣтей, съ которыми дѣлались обмороки, истерики и т. д.

Нужно еще добавить, что мужчины въ возрастѣ на видъ отъ 18 до 50 лѣтъ арестовывались, какъ военноплѣнные; имъ не давали возможности не только раздѣлить общаго съ семьей багажа, но даже не позволяли передавать остававшимся въ полномъ отчаяніи матерямъ, женамъ или сестрамъ необходимыя деньги, ни даже проститься съ ними.

Крупный багажъ всѣхъ этихъ несчастныхъ пропалъ на различныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ Германіи; даже ручныя дорожныя вещи русскихъ зачастую выбрасывались поѣздной прислугой и военными изъ оконъ вагоновъ (сообщеніе, между прочимъ, россійскаго посланника въ Стутгартѣ).

Высшее начальство и офицеры въ большинствѣ случаевъ вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ образумленію слишкомъ усердныхъ и грубыхъ нижнихъ чиновъ, напротивъ того, поощ-

ряли ихъ жестокое обращенiе съ ни въ чемъ неповинными путешественниками, которыхъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обыскивали, а иногда при этомъ раздѣвали. Не стѣснялись рѣшительно ни съ кѣмъ; такъ, въ ночь съ 25 на 26 iюля, въ 4 часа утра, на станцiи Неймюнстеръ, пожилая супруга намѣстника Его Величества на Кавказѣ статсъ-дама графиня Воронцова-Дашкова была вытолкана пьяными солдатами ударами прикладовъ изъ вагона, причемъ они ее грубо обыскали, хватая за волосы.

Даже тяжелые больные подвергались такому же жестокому обращенiю. Напримѣръ, въ Бреславлѣ супруга начальника канцелярiи Министерства Путей Сообщенiя г-жа Туганъ-Барановская, несмотря на только что перенесенную ею тяжелую операцiю, подверглась нападенiю толпы, причемъ были сорваны перевязки, наложенныя послѣ операцiи; затѣмъ она посажена была въ тюрьму; гдѣ ее продержали три дня. Изъ тюрьмы ее погнали черезъ весь городъ вмѣстѣ съ многочисленными другими русскими на станцiю Одербанговъ; здѣсь ихъ нагрузили въ угольные вагоны, въ которыхъ еще оставались угольные отбросы. Наконецъ, 23 iюля всѣ эти несчастные были выброшены на произволъ судьбы въ Вильгельмбрюкѣ, недалеко отъ русскаго пограничнаго пункта Верушова, до котораго имъ пришлось добраться пѣшкомъ. Г-жа Туганъ-Барановская 31 iюля скончалась въ Петроградѣ, куда она привезена была въ безнадежномъ состоянiи.

Вотъ лишь немногiе факты изъ безчисленнаго количества такихъ же и даже еще болѣе возмутительныхъ, свидѣтельствующихъ объ ужаснѣйшемъ озвѣрѣнiи нѣмецкаго народа. Прибавимъ къ этому, что даже поѣздъ нашей Вдовствующей Государыни Императрицы Марiи Ѳеодоровны, застигнутый войной въ Германiи, былъ задержанъ въ Германiи и его лишь съ большимъ трудомъ выпустили изъ предѣловъ Германской имперiи. Такимъ образомъ, озвѣрѣвшiе нѣмцы не остановились передъ оскорбленiемъ Особъ нашего Царствующаго Дома!

Какiе же общiе выводы можно сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ тутъ оскорбленiй, издѣвательствъ, неслыханныхъ глумленiй, которыя довелось испытать русскимъ людямъ на германской территорiи? Отмѣтимъ, что такое отношенiе нѣмцевъ къ русскимъ было всеобщимъ: толпа неистовствовала при видѣ русскихъ, власти всячески глумились надъ русскими; правительство подобное отношенiе къ русскимъ прямо поощряло. Были попраны всѣ требованiя международнаго права: даже члены посольства, которые считаются неприкосновенными, подверглись неслыханнымъ оскорбленiямъ не только словами, но и дѣйствiемъ. Что же

говорить о частныхъ лицахъ: съ ними нѣмцы не стѣснялись, и свое издѣвательство надъ ихъ полной беззащитностью они проводили съ злобной утонченностью.

Единственное оправданіе, которое, вѣроятно, впослѣдствіи приведутъ въ свою защиту нѣмцы, сведется къ тому, что они, охваченные паникою передъ войною, видѣли въ каждомъ русскомъ шпіона. Но это оправданіе не выдерживаетъ критики: русскіе путешественники совсѣмъ не похожи на военныхъ агентовъ. Неужели же больныя женщины, вродѣ несчастной г-жи Туганъ-Барановской, безпомощные старики, малыя дѣти хоть чѣмъ-нибудь могутъ служить дѣлу освѣдомленія русскихъ властей о состояніи и расположеніи войскъ въ Германіи? Наконецъ, даже преступникъ, захваченный и обезвреженный, имѣетъ право требовать человѣческаго съ собою обхожденія. Между тѣмъ, культурные германцы превзошли всякую мѣру варварства въ обхожденіи своемъ съ находившимися въ полной ихъ власти русскими людьми.

Нѣтъ, это варварство доказываетъ только одно: ту страшную ненависть, которая жила въ сердцѣ каждаго нѣмца по отношенію къ Россіи. Изъ этого явствуетъ далѣе, насколько противоестественна была давняя дружба Россіи съ Германіей и на какихъ ложныхъ основаніяхъ была она заложена. Мы были нужны нѣмцамъ, и до тѣхъ поръ, пока мы имъ были нужны, дружба продолжалась. Плохихъ сосѣдей пріобрѣли мы въ лицѣ германцевъ: они насъ не хотѣли узнать поближе, потому что въ душѣ своей насъ презирали, а, съ другой стороны, насъ боялись. Нѣмцы насъ терпѣли потому, что ихъ близость съ нами доставляла имъ безчисленныя выгоды, и мы, по нашей близорукости и добродушію, позволяли себя эксплоатировать безъ конца. Возвышеніе Россіи для Германіи было непонятно и оскорбительно, потому что они такую благосклонность судьбы къ намъ учитывали, какъ ея величайшую несправедливость по отношенію къ себѣ: они считали, что лишь такая культурная нація, какъ они, имѣетъ право на всѣ блага міра, а русскіе дикари, съ ихъ точки зрѣнія, должны прозябать въ вѣчномъ униженіи и рабствѣ. Однако, не разъ имъ приходилось получать отъ русскихъ дикарей великую помощь и великія благодѣянія—до спасенія ихъ государства включительно: такое стеченіе обстоятельствъ втайнѣ жгучею болью отзывалось на ихъ самолюбіи и заставляло ихъ ненавидѣть насъ съ еще большею сосредоточенностью и интенсивностью.

Такимъ образомъ, все время Россія оказывалась безъ вины виноватою передъ нѣмцами. Наконецъ, та тонкая струна, на ко-

торой висѣла наша дружба съ Германіей, лопнула, и тутъ-то вырвалась наружу вся давняя, застарѣлая ненависть къ намъ нѣмцевъ. Всею своею тяжестью она пала на голову тѣхъ несчастныхъ русскихъ людей, которые въ эту злосчастную пору жили въ Германіи—одни по обязанностямъ службы, другіе—по любопытству туристовъ, третьи — вслѣдствіе необходимости пройти курсъ лѣченія и посовѣтоваться съ нѣмецкими врачами, четвертые—вслѣдствіе своихъ научныхъ занятій. Нѣмцы съ русскими не церемонились уже потому, что они русскихъ считаютъ за дикарей, то-есть за какихъ-то убогихъ умственно и нравственно существъ, приближающихся по своему развитію къ животнымъ. Тутъ проявилась во всемъ своемъ великолѣпіи нѣмецкая логика, утверждающая, что со скотами надо и обращаться по скотски. А такъ какъ давно—Богъ знаетъ, сколько времени—нѣмцамъ по отношенію къ русскимъ приходилось сдерживаться и носить личину любезности, чѣмъ они себя, по ихъ мнѣнію, унижали,—то теперь они спѣшили вознаградить себя за пережитое терпѣніе, и вотъ они отводили свою душу надъ нашими соотечественниками, мучая ихъ и надъ ними измываясь.

Все это мы должны понять и запомнить. Теперь *дружба* Россіи съ Германіей невозможна. Мы должны разъ навсегда обезопасить себя отъ подобной сосѣдки: если ужъ необходимо жить рядомъ со змѣею, то слѣдуетъ, во имя простого благоразумія, обезвредить ее, вырвавши ея ядовитые зубы. Съ ней великодушничать нечего, потому что Германія и не пойметъ русскаго великодушія, оцѣнивъ его, или какъ нашу глупость, или какъ лишнее доказательство нашей слабости.

Въ ночь съ 18 на 19 іюля германскій посолъ гр. Пурталесъ пріѣхалъ къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ и сообщилъ ему отъ имени своего правительства, что Германія обезпокоенная объявленной въ Россіи всеобщей мобилизаціей, обращается къ русскому правительству съ просьбой пріостановить эту мобилизацію не позднѣе, какъ черезъ двѣнадцать часовъ; въ противномъ случаѣ Германія также будетъ вынуждена приступить къ мобилизаціи своей арміи.

Предложеніе это было отвергнуто, и взволнованный до послѣдней крайности германскій посолъ передалъ трясущимися руками совершенно спокойному С. Д. Сазонову ноту съ объявленіемъ войны.

Жребій былъ брошенъ. Война началась.

VI.

Неслыханный подъемъ патріотическаго одушевленія пережила Россія при первыхъ же еще отдаленныхъ раскатахъ надвигавшейся грозы. Весь русскій народъ всколыхнулся, какъ одинъ человѣкъ, когда въ газетахъ появились извѣстія о столкновеніи между Австріей и Сербіей. Горячее братское сочувствіе посербамъ объединило всѣ слои русскаго общества. Правда, до послѣднихъ минутъ русскіе люди надѣялись, что положеніе какъ нибудь уладится мирнымъ путемъ, и европейская война не разразится. Но всѣ понимали, что дѣло серьезно, въ высшей степени серьезно. Никто не допускалъ и мысли, что Россія дастъ въ обиду свою меньшую сестру Сербію; всякій зналъ, что въ этомъ вопросѣ глубоко затронуты честь и достоинство Россіи.

До этого момента во внутренней жизни Россіи происходили заворожки: на фабрикахъ были волненія и забастовки, дѣло доходило даже до крупныхъ уличныхъ безпорядковъ. Но лишь только вниманіе русскаго народа, подъ вліяніемъ тревожныхъ извѣстій изъ-за рубежа, устремилось къ австро-сербскому столкновенію, лишь только русскіе люди поняли, какія грозныя последствія могутъ проистечь изъ этихъ событій,—всѣ волненія и забастовки прекратились какъ по мановенію волшебнаго жезла, словно ихъ никогда и не было. Рабочіе всѣхъ бастовавшихъ фабрикъ мирно приступили къ работамъ. При началѣ работъ во многихъ мѣстахъ на фабрикахъ и заводахъ происходили патріотическія манифестаціи: рабочіе, возвращаясь къ своему труду, съ воодушевленіемъ пѣли „Боже, Царя храни“ и „Спаси, Господи, люди Твоя“...

По городамъ и весямъ Россіи волною прокатились грандіозныя патріотическія манифестаціи. Сначала этими манифестаціями народныя массы выражали свое сочувствіе Сербіи и негодованіе, направленное противъ Германіи и Австріи. Народное движеніе по мѣрѣ того, какъ развивались событія, все росло и росло, становилось все стихійнѣе, все торжественнѣе и величественнѣе.

Объявленная отъ 16 іюля частичная мобилизація прошла въ образцовомъ порядкѣ.

Изъ русскихъ городовъ первымъ узналъ объ объявленіи Германіей войны Россіи, конечно, Петроградъ. У Казанскаго собора собрались огромныя толпы народа. Когда была объявлена вѣсть о войнѣ, весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, въ глубокомъ благоговѣйномъ молчаніи опустился на колѣна. Черезъ минуту зазвучало мощное пѣніе „Спаси, Господи, люди Твоя“...

Между тѣмъ, отовсюду, со всего Петрограда безпрерывными волнами стекались всё новыя и новыя народныя массы. Тутъ же на площади подъ тихимъ и яснымъ ночнымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ. Все необозримое море присутствовавшаго здѣсь народа заколебалось, при первомъ же молитвенномъ возгласѣ священника—всѣ опустились на колѣна. Пѣлъ весь народъ, пѣлъ со слезами, съ рыданіями. Когда было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, то весь народъ подхватилъ „многая лѣта" — и въ этомъ пѣніи слышался грозный и мощный порывъ поднимающейся на врага Россіи Христолюбивой и Царелюбивой.

На слѣдующій день 20 іюля былъ объявленъ Высочайшій манифестъ.

Божіею милостію Мы,

НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови со славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные въ силу создавшихся условій принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ.

Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыслъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 20-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, царствованія же нашего двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Одновременно съ этимъ былъ опубликованъ именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату, нижеслѣдующаго содержанія:

„Не признавая возможнымъ по причинѣ общегосударственнаго характера стать теперь же во главѣ Нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій, признали Мы за благо Всемилостивѣйше повелѣть Нашему Генералъ-Адъютанту Главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Генералъ-отъ-кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховнымъ Главнокомандующимъ“.

Въ другомъ Высочайшемъ указѣ было повелѣно созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу и возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26-го іюля.

20 іюля, въ 3 часа пополудни, въ Николаевскомъ залѣ Зимняго дворца въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи прочитанъ манифестъ о войнѣ, и совершено молебствіе о ниспосланіи русскому оружію побѣды. Въ исходѣ 4-го часа изъ Петергофа прибыла Императорская яхта *Александрія.* Едва показалась яхта на Невѣ, какъ стоявшіе на ней дредноуты *Гангутъ* и *Севастополь* сдѣлали орудійный салютъ. На яхту изволили прибыть Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Великія Княжны и Великая Княгиня Ольга Александровна. *Александрія* миновала яхту *Нева* и, пройдя мимо Императорской яхты *Штандартъ,* ошвартовалась у Царской пристани. Съ обѣихъ яхтъ загремѣло „ура“ команды.

Огромныя, несмѣтныя толпы народа переполняли Англійскую набережную Невы. Громовое „ура“ народныхъ массъ встрѣтило Императорскую яхту. Ихъ Императорскія Величества и Ихъ

Императорскія Высочества сошли на паровой катеръ *Петергофъ*. Когда катеръ отвалилъ отъ *Александріи*, новою могучею волной прокатилось народное „ура“ вслѣдъ удалявшемуся катеру. Народъ бѣжалъ до набережной съ кликами „ура“. При появленіи катера около петербургской крѣпости со стороны ея загремѣлъ салютъ. Катеръ присталъ къ пристани у Зимняго дворца.

При видѣ Царя тысячи народа пали на колѣна. Отъ громовыхъ раскатовъ „ура“ задрожали стекла въ окнахъ Зимняго дворца.

Государь въ сопровожденіи Августѣйшаго Семейства прошелъ среди народа, отвѣчая наклоненіемъ головы на привѣтствія.

Государь прошелъ во дворецъ.

Народъ съ набережной съ пѣніемъ національнаго гимна двинулся на дворцовую площадь, гдѣ стояли другія толпы народа, осѣненныя національными флагами.

Во дворцѣ началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о ниспосланіи русскому воинству побѣды надъ врагами.

Послѣ богослуженія Ихъ Величества прикладывались къ Кресту и святой иконѣ. Затѣмъ Государь произнесъ слѣдующія слова:

„Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша великая матушка-Русь извѣстіе объ объявленіи Намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія Мы доведемъ войну, какова бы она ни была, до конца. Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей“.

Едва смолкли слова Его Величества, какъ залъ задрожалъ отъ громкаго „ура“. Энтузіазмъ присутствующихъ не имѣлъ предѣловъ. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ обратиться къ присутствующимъ со словами:

„И къ Вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ Мнѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, и въ вашемъ лицѣ обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи Моей и благословляю ее на трудъ ратный“.

Во время произнесенія этихъ словъ Его Императорскимъ Величествомъ присутствовавшіе опустились на колѣна, у многихъ слезы наполнили глаза. Вновь загремѣло „ура“. Сабли и шашки многими были вынуты изъ ноженъ. Воины потрясали ими въ воздухѣ. Ихъ Императорскія Величества изволили отбыть изъ Николаевскаго зала. Въ это время на Дворцовую площадь все тянулись новыя и новыя массы народа.

Въ началѣ пятаго часа громадное пространство между Александровскимъ садомъ, главнымъ штабомъ и штабомъ округа сплошь запружено народомъ. Ежеминутно прорываются раскаты

„ура“. Слышится пѣніе гимна и „Спаси, Господи“! Спокойно стоитъ многотысячная толпа. Впереди ея со стороны дворца развѣваются національные флаги, среди которыхъ высоко поднятъ портретъ Государя Императора въ рамѣ съ лентами изъ національныхъ цвѣтовъ. Пестрѣютъ щиты съ надписями: *Боже, Царя храни, Живіо Сербія, Да здравствуетъ армія и флотъ, Да здравствуетъ Англія и Франція, Побѣда Россіи и славянъ.* Временами проходятъ группы запасныхъ, которыхъ народъ привѣтствуетъ кликами „ура“.

Въ началѣ 6-го часа площадь дрогнула и изъ сотни тысячъ грудей вырвалось мощное „ура“.

На балконѣ дворца передъ Своимъ народомъ показался Государь Императоръ. За Его Величествомъ изволила выйти на балконъ Государыня Императрица. Многотысячная толпа, какъ одинъ человѣкъ, упала на колѣна. Раздались могучіе перекаты „ура“. Всѣ флаги и щиты склонились передъ державнымъ Царемъ.

Ихъ Величества милостивыми поклонами отвѣчали на восторженныя привѣтствія народа, а затѣмъ подъ несмолкаемое „ура“ удалились во дворецъ.

Черезъ пять дней послѣ объявленія войны Германіей Россіи, Австрія тоже рѣшилась въ свою очередь объявить Россіи войну.

Интересно, что австрійцы остались до самаго конца вѣрны своей предательской политикѣ: за двѣнадцать часовъ до объявленія войны они уже начали военныя дѣйствія противъ Россіи. У Волочиска ихъ войска открыли огонь по нашимъ часовымъ и взорвали устои желѣзнодорожнаго моста черезъ пограничную рѣку Збручъ.

По случаю объявленія Австріей войны былъ опубликованъ нижеслѣдующій высокознаменательный Высочайшій манифестъ.

Божіею милостію Мы,

НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей. Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи...

Силы непріятеля умножаются противъ Россіи и всего славянства. Ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимою твердостью встаетъ передъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни, — вмѣстѣ съ нами стали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26-й день іюля въ лѣто отъ Рождества Христова 1914-е, царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

26 іюля вновь прозвучали Царскія слова, обращенныя на этотъ разъ къ членамъ Совѣта Министровъ и къ членамъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Въ этотъ день въ Зимнемъ дворцѣ состоялся Высочайшій пріемъ Государемъ Императоромъ членовъ Государственныхъ Совѣта и Думы. Къ Царской пристани на Англійской набережной подошла яхта *Дозорный*, на которой изволили прибыть Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ войсками Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ на автомобилѣ при восторженномъ *ура* собравшагося народа въ сопровожденіи свиты отбылъ въ Зимній дворецъ. Тамъ его ожидали члены Совѣта Министровъ, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Государь Императоръ обратился къ членамъ Государственныхъ Совѣта и Думы со слѣдующими словами:

„Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ любви къ родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ и, думаю, въ вашихъ ручательствомъ въ томъ, что Наша великая матушка-Россія доведетъ ниспосланную Гос-

подомъ Богомъ войну до желаннаго конца. Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы вплоть до жизни своей Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ-славянъ, и въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей. Увѣренъ, что вы всѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, поможете Мнѣ перенести ниспосланное Мнѣ испытаніе и что всѣ, начиная съ Меня, исполнятъ свой долгъ до конца. Великъ Богъ земли русской".

Послѣ словъ Государя Императора раздалось громовое *ура*. Когда все смолкло, къ Государю обратились съ рѣчами—отъ лица Государственнаго Совѣта исправляющій должность предсѣдателя статсъ-секретарь Голубевъ, и отъ лица Государственной Думы ея предсѣдатель камергеръ Родзянко.

Рѣчи Голубева и Родзянко покрыты громкимъ *ура* и гимномъ.

Его Императорское Величество вновь обратился къ членамъ Государственныхъ Совѣта и Думы со слѣдующими словами:

„Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами искреннія патротическія чувства, въ которыхъ Я никогда не сомнѣвался, и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ. Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха. Съ Нами Богъ".

Послѣ словъ Государя Императора вновь выраженія энтузіазма присутствовавшихъ потрясли своды зала. Государь Императоръ поклонился и въ сопровожденіи свиты при кликахъ *ура* и пѣніи гимна отбылъ во внутренніе покои.

Того же 26 іюля состоялись засѣданія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы.

Эти засѣданія поистинѣ могутъ назваться историческими. Особенно знаменательно было засѣданіе Государственной Думы; оно прошло съ небывалымъ подъемомъ, съ рѣдкимъ единодушіемъ. На этотъ разъ Государственная Дума явила въ своемъ настроеніи, въ своихъ чувствахъ вѣрное отраженіе того, что творилось по всему необъятному пространству великой русской имперіи. На трибуну поднимались одинъ за другимъ представители различныхъ политическихъ толковъ и убѣжденій, представители всевозможныхъ народностей, населяющихъ Россію,—и всѣ они разными словами говорили одно и то же, что было выражено въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны всѣ средства для сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія передъ надвигающейся военной грозой всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ и твердо вѣруя въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя, готовы встать въ защиту родины, ея чести и достоянія. Въ сознаніи этого Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность съ несокрушимой силѣ и въ славномъ будущемъ Россіи. Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семей запасныхъ, Дума посылаетъ свой братскій, привѣтъ доблестнымъ защитникамъ Россіи, самоотверженно приступившимъ къ выполненію геройскаго своего долга“.

Въ этотъ историческій моментъ Государственная Дума стала на высотѣ своего положенія, на высотѣ грандіозныхъ событій, переживаемыхъ всей Европой. Ея выступленіе яркими буквами будетъ занесено на страницы исторіи, и русскій народъ никогда его не позабудетъ. Государь и Его правительство не ошиблись, обратившись къ народнымъ избранникамъ. Мы тутъ видѣли непреложное подтвержденіе прекрасныхъ словъ министра иностранныхъ дѣлъ, произнесенныхъ въ этомъ засѣданіи: дѣйствительно, въ лицѣ членовъ Государственной Думы на этотъ разъ ярко отразился образъ нашей великой родины, и никогда нашимъ врагамъ не придется посмѣяться надъ нею.

Это былъ великій смотръ вѣрноподданныхъ русскаго Государя. Подъ грозой, налетѣвшей на насъ, всѣ объединились, всѣ слились въ одномъ порывѣ чувства преданности своему Государю и своему народу. Спаянные узами взаимной любви и крѣпкаго довѣрія, всѣ народности Россіи вышли противъ непріятелей.

Другимъ знаменательнымъ моментомъ великаго единенія Царя съ Его народомъ было Его пребываніе въ Москвѣ въ началѣ августа мѣсяца 1914 года.

Всегда народное чувство съ особенной силой билось и изливалось въ сердцѣ Россіи—въ первопрестольной Москвѣ. Тутъ это чувство всегда находило особенно мощное выраженіе. Никогда въ тяжелыя и знаменательныя времена никакіе русскіе города Москвѣ не указывали, но Москва указывала всѣмъ. Ея указующія слова особенно крупными чертами врѣзались въ сердца русскихъ людей.

И вотъ приспѣлъ часъ показать Москвѣ, что не оскудѣла ея русская сила, что не померкло ея значеніе, что не одряхлѣло ея русское сердце. Самъ Царь допросилъ ее въ годину небывалыхъ испытаній—та же ли она, какой была и въ 1613 и 1812 году. Москва отвѣтила Ему и за себя, и за всю Россію.

Благословенный царь Александръ I именно въ Москвѣ видѣлъ небывалый подъемъ народныхъ чувствъ и народнаго духа. Въ Москвѣ же русскіе люди показали ему, что они готовы на неслыханныя жертвы, не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Тоже было и въ августѣ 1914 года.

Если бы какой-нибудь посторонній наблюдатель, чуждый событіямъ текущихъ дней, прошелся въ ту пору во время пріѣзда Государя по улицамъ Москвы и присмотрѣлся къ волнамъ народа, расходившагося по домамъ послѣ встрѣчи Государя, то онъ при всемъ своемъ равнодушіи почувствовалъ бы, что Москва переживаетъ какой-то особенный подъемъ, самъ былъ бы захваченъ этимъ подъемомъ, былъ бы растроганъ и умиленъ. Несчетныя толпы заливали улицы, но вездѣ порядокъ былъ образцовый. Настроеніе народа поражало своей серьезностью, вдумчивостью, почти торжественностью. Проходили люди, словно насторожившіеся, словно сосредоточенно прислушивающіеся къ какимъ-то невидимымъ голосамъ; на всѣхъ лицахъ залегъ отпечатокъ глубокой думы, которую жутко спугнуть и нарушить житейской суетой. Передъ глазами толпы пронеслось что-то великое, завѣтное и святое... Новыя нахлынувшія переживанія заставили всѣхъ подняться сердцемъ своимъ надъ „мышьей бѣготнею“ повседневности, и каждый бережно затаилъ въ своемъ сердцѣ это возвышенное прекрасное чувство. Такъ въ страстные дни народъ идетъ изъ церкви и любовно и бережно несетъ съ собою безчисленные огоньки свѣчей, чтобы дома отъ этихъ огоньковъ затеплить лампадки передъ иконами.

Видя Царя въ рѣшительные, поворотные моменты своей жизни, народныя массы своею любовью, неописуемымъ взрывомъ своего восторга передъ Нимъ хотятъ поддержать, укрѣпить Его въ Его подвигѣ. Передавали, что когда Государь проѣзжалъ по улицамъ, сотни рукъ поднимались Ему вслѣдъ и осѣняли Его знаменіемъ креста.

Святыя, незабываемыя минуты пережила Москва—это истинное и золотое сердце Россіи, эта лучшая выразительница чувствъ великаго русскаго народа. Въ ея слезахъ, въ ея любви Помазанникъ Божій могъ видѣть все, чѣмъ жила вся Россія, трепетно ждущая побѣды и обновленія.

Невозможно описать всю радость, весь восторгъ, съ которыми Москва встрѣтила въ своихъ сѣдыхъ стѣнахъ Государя...

Вотъ тѣ слова, съ которыми Государю благоугодно было обратиться къ москвичамъ:

„Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки Моимъ намѣреніямъ надвинувшейся на миролюбивый народъ Мой, Я, по обычаю Державныхъ Предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святынь Московскихъ, въ стѣнахъ древняго Московскаго Кремля. Въ лицѣ вашемъ, жители дорогой Мнѣ первопрестольной Москвы, Я привѣтствую весь вѣрный Мнѣ русскій народъ, повсюду—и на мѣстахъ, и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ—единодушно откликнувшійся на Мой призывъ стать дружно всей Россіей, откинувъ распри, на защиту родной земли и славянства.

„Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились воедино всѣ безъ различія племена и народности великой Имперіи Нашей, и вмѣстѣ со Мной никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія.

„Такое единеніе Моихъ чувствъ и мыслей со всѣмъ Моимъ народомъ даетъ Мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ будущемъ. Отсюда, изъ сердца русской земли, Я шлю доблестнымъ войскамъ Моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, заодно съ нами поднявшимся за попранныя начала мира и правды горячій привѣтъ. Съ Нами Богъ“!

Произнося послѣднія слова, Его Величество благоговѣйно осѣнилъ Себя крестнымъ знаменіемъ.

Вотъ краткій очеркъ того, какъ встрѣтила Россія тяжкій и грозный часъ испытанія и великой борьбы.

Въ эту пору Россія переродилась, русскаго народа, русскаго общества узнать было нельзя: исчезли раздоры, пропало равнодушіе къ судьбамъ родины, разсѣялись, какъ дымъ, малодушіе и обособленность недавнихъ дней. Внезапно поднявшееся пламя войны прежде всего выжгло въ русскихъ людяхъ то дурное, низменное и презрѣнное, что такъ недавно владѣло ими, осталось чистое золото великаго народнаго чувства, и на этомъ несокрушимомъ основаніи смѣло можно воздвигнуть наши упованія на побѣду.

Не съ легкимъ сердцемъ вышла Россія на конечное разрѣшеніе давнихъ и мучительныхъ вопросовъ, но въ ней немеркнущимъ свѣтомъ горитъ надежда на Господа Бога и вѣра въ исконную правоту нашего дѣла. Вся Россія объединилась со своимъ Государемъ въ жаркой молитвѣ о побѣдѣ нашему ору-

жію, и эта молитва дала ей желѣзную крѣпость и несокрушимую рѣшимость.

„Съ нами Богъ!"—этими словами благоугодно было Государю Императору закончить многознаменательную рѣчь Свою, произнесенную Имъ въ стѣнахъ Московскаго Кремля. Воистину, съ нами Богъ въ этотъ великій часъ испытанія, ибо не мы подняли первыми оружіе, но мы вынуждены были препоясаться мечомъ подъ натискомъ неслыханной, превзошедшей всѣ мѣры гордыни нашихъ недруговъ. Съ нами Богъ, потому что мы пошли на борьбу не ради своекорыстныхъ разсчетовъ, но во имя освобожденія слабыхъ и угнетенныхъ народностей отъ ига сильнаго и хитраго поработителя. Съ нами Богъ, потому что Господнее вдохновеніе сошло на Русь, сплотившуюся въ одномъ порывѣ любви и жажды подвига вокругъ своего Самодержца.

Какъ сказалъ Государь въ Своемъ манифестѣ, такъ слово Его и облеклось плотью и кровью: вся Россія единомышленно и единодушно поднялась на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

VII.

Германія уже давно обдумала свой планъ веденія войны съ Россіей и Франціей. Нѣмецкій генеральный штабъ до послѣднихъ подробностей обдумалъ весь образъ дѣйствій германцевъ на случай столкновенія съ обѣими сосѣдними державами еще во времена полнѣйшаго мира. По нѣмецкимъ предположеніямъ, Германія должна со всею своею мощью ударить на французовъ, въ пухъ и прахъ разгромить ихъ, овладѣть столицей Франціи—Парижемъ и тамъ продиктовать условія мира побѣжденнымъ. Пока германцы расправлялись бы такимъ образомъ съ Франціей, съ ихъ стороны противъ Россіи были бы выставлены лишь второстепенныя силы, зато австрійцы ринулись бы на русскихъ, по мѣрѣ возможности сокрушая и ослабляя ихъ силы, а тѣмъ временемъ изъ Франціи подоспѣли бы побѣдители германцы, и окончательное пораженіе Россіи не заставило бы себя ждать. Война такими молніеносными ударами была бы закончена въ самое короткое время.

Этотъ планъ казался весьма убѣдителенъ на бумагѣ, и нѣмцы въ его успѣхѣ не сомнѣвались. Съ французами, какъ съ серьезной боевой силой, они не считались. Сначала нѣмецкая дипломатія попыталась запугать Францію, чтобы она отказалась отъ поддержки своей союзницы Россіи, но видя, что угрозы и убѣжденія не дѣйствуютъ, нѣмцы, съ присущимъ имъ высокомѣріемъ, перестали обращать вниманіе на французовъ. Германскій

посолъ во Франціи фонъ-Шенъ держалъ себя въ высшей степени двусмысленно: когда французское правительство его запрашивало о видахъ и намѣреніяхъ Германіи, онъ отговаривался всякими пустяками—то будто бы онъ не имѣлъ надлежащихъ указаній отъ своего правительства, то будто бы еще не смогъ разобраться въ полученныхъ имъ телеграммахъ.

Между тѣмъ, германцы подготовляли нападеніе на Францію до объявленія войны. Въ Парижѣ дѣло дошло до рѣшительнаго объясненія съ фонъ-Шеномъ, но и тутъ онъ старался оттянуть время. Французскій министръ-президентъ Вивіани въ своемъ разговорѣ съ германскимъ посломъ сказалъ ему въ самомъ началѣ разговора: „Мы знаемъ, что вы производите мобилизацію". Но посолъ хранилъ молчаніе, тогда Вивіани прибавилъ: „Такое положеніе, занятое вашимъ правительствомъ, побудило насъ предпринять такія же мѣры. Мы настроены попрежнему миролюбиво и желаемъ сохраненія мира. Лучшее доказательство, которое я могу вамъ дать въ настоящую минуту,—это то, что французскій парламентъ не созванъ, что по законамъ нашей конституціи мы должны были бы сдѣлать, если бы наши намѣренія не были бы миролюбивы".—„Но,—возразилъ германскій посолъ,—мы опасаемся пограничныхъ инцидентовъ". Вивіани отвѣтилъ: „Какъ можете вы предполагать нѣчто подобное, когда наши войска находятся въ 6 километрахъ отъ границы. Вѣдь, такимъ образомъ, мы подвергаемъ свою территорію опасности набѣга, и я не думаю, чтобы какое-либо государство согласилось бы такъ дѣйствовать". Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Вивіани указалъ, что, наоборотъ, германскія войска подготовляютъ нападеніе на Францію..

Дѣйствительно, Германія выказала во всемъ блескѣ свое вѣроломство. Она пошла на самое наглое нарушеніе всѣхъ законовъ международнаго права.

Ея войска 20 іюля перешли французскую границу и начали военныя дѣйствія, хотя офиціальнаго объявленія войны не было. Германскій посолъ въ это время оставался въ Парижѣ, какъ и французскій посолъ въ Берлинѣ не покидалъ своего поста.

Германія прекрасно знала, что Франція, наученная горькимъ опытомъ, прекрасно укрѣпила свои земли, непосредственно граничащія съ Германіей. Тутъ на восточной границѣ Франціи воздвигнутъ рядъ превосходныхъ крѣпостей. Между тѣмъ, на сѣверѣ, тамъ, гдѣ Франція граничитъ съ Бельгіей, особенно сильныхъ крѣпостей нѣтъ, и, стало-быть. съ этой стороны она особенно уязвима. Именно отсюда-то и задумали нанести Франціи главный свой ударъ германцы. Они знали, что Бельгія представ-

ляетъ собою какъ бы „врата Франціи"—они и рѣшили пройти черезъ эти ворота.

Недолго думая, Германія предъявила Бельгіи ультиматумъ, требуя свободнаго пропуска своихъ войскъ черезъ бельгійскую территорію. Въ случаѣ согласія Бельгіи Германія обѣщала заключить съ нею соглашеніе.

Но Бельгія считалась неприкосновенной. Ея нейтралитетъ былъ обезпеченъ договоромъ великихъ державъ еще въ 1839 г. Этотъ договоръ былъ подписанъ и Германіей. Она отлично знала, что, согласно разъ навсегда заключенному условію, она не смѣетъ требовать отъ Бельгіи свободнаго пропуска своихъ войскъ, воюющихъ съ Франціей, но она это сдѣлала, разсчитывая на то, что маленькая страна не осмѣлится протестовать противъ такого гнуснаго нарушенія своихъ правъ. Что же касается до Англіи, особенно заинтересованной въ бельгійскомъ нейтралитетѣ, то нѣмцы надѣялись уладить съ нею дѣло какимъ-либо мирнымъ путемъ.

Нѣмцы уже нарушили нейтралитетъ маленькаго государства, расположеннаго рядомъ съ Бельгіей,—Люксембурга.

Они вошли въ Люксембургъ, захватили зданія правительственныхъ учрежденій и перерѣзали телефонные провода. Напрасенъ былъ протестъ президента люксембургскаго великогерцогскаго правительства, обращенный къ правительствамъ державъ, гарантировавшихъ нейтралитетъ Люксембурга.

Конечно, крошечная страна, почти не имѣющая войска, ничего не могла подѣлать противъ нѣмецкаго разбойничества. Великая герцогиня Люксембургская на автомобилѣ выѣхала навстрѣчу нѣмецкимъ войскамъ, чтобы выразить имъ свой протестъ, но съ нею даже не стали разговаривать, тутъ же арестовавъ ее.

Не такъ легко удалось справиться съ Бельгіей.

Бельгія съ негодованіемъ отвергла нѣмецкій ультиматумъ. Альбертъ, бельгійскій король, министры и начальникъ генеральнаго штаба совѣщались всю ночь. Утромъ былъ вынесенъ отвѣтъ, единственный, какой могъ быть данъ: вся бельгійская нація единодушно и непоколебимо рѣшилась защищаться до конца.

Страна спѣшно мобилизовалась. Война была объявлена, и началась геройская война бельгійцевъ противъ нѣмецкихъ разбойниковъ.

Лишь 22 іюля Германія собралась объявить Франціи войну.

Причины, по которымъ нѣмцы объявили войну, разумѣется, были ложны и наспѣхъ придуманы. Нѣмцы не нашли ничего

4*

лучшаго, какъ объявить, будто бы французскіе летчики нарушили нейтралитетъ Бельгіи, совершивъ перелетъ надъ ея территоріей.

Вотъ что отвѣчало на это французское правительство въ своей отвѣтной нотѣ, разосланной державамъ:

„Германское правительство объявило Франціи войну послѣ того, какъ оно двинуло свои вооруженныя силы черезъ границу и позволило имъ совершить цѣлый рядъ убійствъ и грабежей на французской территоріи; послѣ того, какъ оно нарушило нейтралитетъ великаго герцогства Люксембургскаго, вопреки предписаніямъ Лондонской конвенціи 11 мая 1867 г. и Гаагской конвенціи 18 октября 1907 года, подписанныхъ Германіею; послѣ того, какъ оно обратилось съ ультиматумомъ къ правительству Бельгіи, имѣющимъ цѣлью потребовать пропуска германскихъ войскъ черезъ бельгійскую территорію, въ нарушеніе трактатовъ 19 апрѣля 1839 года, равнымъ образомъ подписанныхъ Германіей, а также упомянутой Гаагской конвенціи. Правительство республики протестуетъ предъ всѣми цивилизованными націями и спеціально передъ правительствами, подписавшими означенные договоры, противъ нарушенія этихъ международныхъ обязательствъ Германской имперіей“...

Но Германію ожидала тяжкая расплата.

Прежде всего, она въ своихъ завоевательныхъ планахъ неизмѣнно разсчитывала на помощь Италіи, входившей въ составъ тройственнаго союза между Германіей, Австріей и Италіей. Но принадлежность Италіи къ союзу была дѣломъ глубоко противоестественнымъ. Итальянскій народъ сильно не долюбливалъ нѣмцевъ по самой своей натурѣ. Достаточно сказать, что въ Италіи самое имя „нѣмецъ“ (tedesco) считается браннымъ словомъ. Съ Австріей у итальянцевъ были давнишніе счеты, которые не могли быть покрыты всѣмъ этимъ союзомъ. Къ тому же австрійцы были довольно плохими союзниками: Австрія, разсчитывая на слабость Италіи, потихоньку мечтала разорвать съ нею союзъ и оттягать у нея ея земли.

Начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба генералъ Гетцендорфъ давно носился съ планами нападенія на Италію, повѣствуя объ этихъ своихъ приготовленіяхъ безъ всякаго стѣсненія. Въ 1911 году Австрія уже была близка къ войнѣ съ Италіей и искала случая порвать со своимъ союзникомъ, протестуя съ этой цѣлью то противъ операцій итальянскаго флота у албанскаго побережья, то противъ форсированія Дарданеллъ.

Какъ мало считались австрійцы съ Италіей доказываетъ то, что, подготовляя свое нападеніе на Сербію, они даже не спросили мнѣнія итальянскаго правительства, хотя въ этомъ вопросѣ были очень сильно задѣты итальянскіе интересы. И Германія, и Австрія были убѣждены, что Италія, какъ послушная служанка, пойдетъ за ними, куда ей прикажутъ.

Но Италія дала понять, что съ нею нельзя такъ обращаться. Она честно указала своимъ союзницамъ, чего будетъ она держаться.

12 іюля 1914 года, по полученіи текста австрійскаго ультиматума Сербіи, итальянское правительство предупредило Австрію, что, если Австрія пойдетъ на европейскую войну изъ-за стремленія унизить Сербію и уничтожить ея самостоятельность, то Италія сочтетъ договоръ тройственнаго союза нарушеннымъ и не выступитъ вмѣстѣ со своими союзницами. 14 іюля, наканунѣ объявленія австро-сербской войны, римскій кабинетъ заявилъ требованіе о передачѣ Италіи исконныхъ итальянскихъ земель, бывшихъ подъ властью Австріи, т.-е. Трентино, Градиски, Тріеста и Истріи, подкрѣпивъ свои требованія угрозой выйти изъ состава тройственнаго союза. Это требованіе основывалось на томъ, что своимъ нападеніемъ на Сербію Австрія нарушила политическое равновѣсіе въ юго-восточной Европѣ и тѣмъ заставила Италію подумать объ обезпеченіи своихъ границъ. Такимъ образомъ Германія и Австрія были отлично освѣдомлены Италіей объ ея намѣреніяхъ еще до войны и вполнѣ могли сообразовать свои дѣйствія съ намѣреніями своей союзницы.

Такимъ образомъ, Германія и Австрія, по собственной винѣ остались безъ помощи своей недавней союзницы Италіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что согласно союзному договору, Италія только тогда должна была воевать рука объ руку съ Австріей и Германіей, ежели бы на эти двѣ державы напали сосѣднія государства. Но нападающей стороной были нѣмцы, и Италія съ полнымъ правомъ отказалась ихъ поддерживать, объявивши свой нейтралитетъ.

Самый страшный ударъ ожидалъ нѣмцевъ со стороны Англіи.

Германія знала, что она еще не готова воевать съ англичанами. Она больше всего боялась, что Англія объявитъ ей войну. Потому германскіе дипломаты всячески лебезили передъ англичанами. Относительно нападенія на Сербію, они говорили, будто Австро-Венгрія не имѣетъ въ виду увеличенія своей территоріи или уничтоженія Сербіи, а желаетъ лишь совершить карательную экспедицію въ цѣляхъ собственной защиты и наказанія Сер-

біи за убійство престолонаслѣдника, при этомъ подчеркивалось, что не можетъ быть и рѣчи о стремленіяхъ Австро-Венгріи къ главенству на Балканахъ. Какъ Австрія-де, такъ и ея союзники не могутъ допустить, чтобы Сербія, только потому, что она государство славянское, получила полную свободу дѣйствій въ дѣлѣ продолженія пропаганды противъ самаго существованія Австро-Венгріи.

Мы уже видѣли, что Англія сумѣла по достоинству оцѣнить поведеніе Австріи. Однако, нѣмцы не теряли надежды, что Англія останется въ сторонѣ. Тутъ они основывались на отношеніи англичанъ къ австро-сербскому столкновенію: англійское правительство говорило, что „британскіе интересы въ Сербіи ничтожны и война изъ-за этой страны никогда не будетъ освящена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ“. Но нѣмцы увлеклись и зарвались съ Бельгіей, и тутъ ихъ ожидало неминуемое возмездіе, для нихъ совершенно неожиданное.

Когда выяснилось, что война между Германіей съ одной стороны и Россіей и Франціей съ другой—неизбѣжна, германскій имперскій канцлеръ сейчасъ же послалъ англійскому правительству завѣреніе въ томъ, что если Великобританія сохранитъ свой нейтралитетъ, то Германія ручается не дѣлать никакихъ земельныхъ пріобрѣтеній во Франціи, когда побѣда увѣнчаетъ нѣмцевъ. Въ отвѣтъ на это Англія поставила прямой вопросъ Франціи и Германіи, намѣрены ли онѣ соблюдать нейтралитетъ Бельгіи? Франція отвѣчала утвердительно, а нѣмецкій министръ иностранныхъ дѣлъ по обыкновенію своему сталъ оттягивать рѣшительный отвѣтъ, заявляя, что ему нужно сначала снестись по этому вопросу съ императоромъ и канцлеромъ.

Англійскій министръ Грей открыто указалъ нѣмцамъ: „Если бы нейтралитетъ этотъ былъ соблюденъ однимъ воюющимъ и нарушенъ другимъ, было бы крайне трудно помѣшать открытому выраженію общественнаго недовольства въ нашей странѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, для Англіи было въ высшей степени важно соблюденіе нейтралитета Бельгіи, потому, что Бельгія всегда сохраняла самыя дружественныя отношенія съ Англіей, и Англіи не грозила ни малѣйшая опасность съ бельгійской стороны, между тѣмъ, ежели бы на мѣсто Бельгіи стала Германія, то она легко могла бы воспользоваться берегами Бельгіи для нападенія на Англію съ моря, и тутъ Англія лишилась бы своихъ преимуществъ островного государства; затѣмъ Англія ставила своей задачей, чтобы международные договоры свято соблюдались,

въ бельгійскомъ нейтралитетѣ порукой стояло доброе имя и честное слово Англіи.

Бельгійскій король Альбертъ обратился къ англійскому королю съ мольбой о помощи. „Помня многочисленныя доказательства дружбы Вашего Величества и Вашихъ предшественниковъ,—писалъ онъ въ своей телеграммѣ:—дружественное отношеніе Англіи къ Бельгіи въ 1870 году и новые знаки сочувствія, только что данные намъ, я обращаюсь съ послѣднимъ призывомъ къ правительству Вашего Величества, прося его дипломатическаго вмѣшательства на защиту неприкосновенности Бельгіи“.

Англія немедленно отправила въ Берлинъ протестъ противъ нарушенія договора, въ подписаніи котораго Германія участвовала наравнѣ съ Англіей, и требованіе, чтобы предъявленный Бельгіи ультиматумъ не имѣлъ послѣдствій и бельгійскій нейтралитетъ не былъ нарушенъ нѣмцами. Затѣмъ, когда уже дипломатическія сношенія между Бельгіей и Германіей были прерваны, англійскій посланникъ передалъ бельгійскому правительству, „чтобы Бельгія всѣми доступными ей средствами сопротивлялась попыткамъ Германіи нарушить ея нейтралитетъ, англійское же правительство готово, совмѣстно съ Россіей и Франціей, съ согласія Бельгіи, оказать бельгійскому правительству помощь для противодѣйствія германскому насилію и обезпеченія на будущее время цѣлости и независимости бельгійскаго королевства“.

Германское правительство страшно обезпокоилось этимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій Англіи. Въ Англію изъ Берлина полетѣли завѣренія, что Германія ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ намѣренія присоединять къ себѣ бельгійскія земли; Германія-де только потому вынуждена пренебречь бельгійскимъ нейтралитетомъ, что для нея является вопросомъ жизни и смерти предупредить нападеніе Франціи.

Англія прекрасно знала цѣну всѣмъ этимъ лицемѣрнымъ завѣреніямъ. Еще разъ германскому правительству былъ поставленъ категорическій вопросъ, намѣрена ли Германія уважать нейтралитетъ Бельгіи? Отвѣтомъ было лишь указаніе, что германскія войска уже перешли бельгійскую границу. „Это нарушеніе бельгійскаго нейтралитета,—объяснялись нѣмцы,—было неизбѣжно, такъ какъ германцамъ совершенно необходимо проникнуть во Францію наиболѣе короткимъ и удобнымъ путемъ, чтобы предупредить французовъ и какъ можно скорѣе нанести имъ рѣшительный ударъ. Въ то время, какъ главное преимущество Россіи заключается въ ея неисчерпаемыхъ запасахъ человѣ-

ческаго матеріала, главный козырь Германіи—это быстрота дѣйствія".

Англія передала германскому правительству ультиматумъ—или вывести войска изъ Бельгіи и обязаться соблюдать бельгійскій нейтралитетъ, или же Англія будетъ считать себя въ положеніи войны съ Германіей.

Этотъ ультиматумъ былъ переданъ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ сэромъ Эдуардомъ Гошеномъ министру фонъ-Ягову въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ сэръ Гошенъ отправился къ германскому императорскому канцлеру Бетманъ-Гольвегу.

Онъ нашелъ канцлера въ страшномъ волненіи. Канцлеръ тотчасъ же началъ говорить, и его рѣчь продолжалась около двадцати минутъ.

„Какъ! — воскликнулъ онъ: — изъ-за одного слова, изъ-за слова „нейтралитетъ", которымъ такъ часто пренебрегаютъ въ военное время, изъ-за *простого клочка бумаги* великобританское правительство собирается воевать съ родственнымъ ей народомъ, который ничего такъ не желалъ, какъ быть съ нею въ дружбѣ. Всѣ мои усилія въ этомъ направленіи уничтожены этимъ ужаснымъ рѣшеніемъ; вся моя политика, которую я преслѣдовалъ съ момента своего вступленія во власть, разрушилась, какъ карточный домикъ. То, что сдѣлала Англія, просто непостижимо: это все равно, что нанести ударъ въ спину человѣку, защищающему свою жизнь отъ двухъ напавшихъ на него враговъ".

Англійскій посолъ далъ достойный отвѣтъ на эту рѣчь потерявшаго всякое самообладаніе канцлера. Онъ заявилъ, что, если нарушеніе бельгійскаго нейтралитета является для Германіи вопросомъ жизни и смерти, по соображеніямъ военнымъ, то для достоинства Великобританіи тоже является вопросомъ жизни и смерти соблюденіе торжественно даннаго обѣщанія и защита всѣми возможными силами нейтралитета Бельгіи. Если Германія считаетъ свое обязательство соблюдать нейтралитетъ Бельгіи только клочкомъ бумаги, тѣмъ хуже для нея—война будетъ вестись изъ-за этого клочка бумаги, такъ какъ тамъ рядомъ съ подписью Германіи находится подпись Англіи. Торжественное обѣщаніе, данное Бельгіи, должно быть исполнено, ибо иначе какое довѣріе можно было бы имѣть впредь къ обѣщаніямъ Великобританіи?

Канцлеръ прервалъ его вопросомъ: „Но какою цѣною будетъ достигнуто соблюденіе этого обѣщанія? Подумало ли объ этомъ британское правительство".

„Я далъ понять канцлеру“,—пишетъ въ своемъ донесеніи въ Англію сэръ Гошенъ:—„съ возможною для меня ясностью, что боязнь послѣдствій не можетъ служить оправданіемъ для нарушенія обязательствъ. Но канцлеръ находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, былъ, очевидно, такъ разстроенъ извѣстіемъ о нашемъ вмѣшательствѣ и такъ мало расположенъ выслушивать какіе-либо доводы, что я воздержался отъ дальнѣйшаго разговора, чтобы не подливать масла въ огонь, и ушелъ“.

Между тѣмъ, вторженіе нѣмецкихъ полчищъ въ Бельгію не дало германцамъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ они надѣялись тутъ достигнуть. Они были убѣждены, что бельгійцы не смогутъ оказать имъ серьезнаго сопротивленія, что двухсотъ-тысячная бельгійская армія—такая ничтожная величина, что съ нею и считаться не стоитъ,—она будетъ моментально раздавлена, и нѣмцы ворвутся во Францію, прежде чѣмъ та успѣетъ мобилизовать и сосредоточить свои войска.

Но маленькій мирный бельгійскій народъ оказался народомъ героическимъ. Конечно, онъ не могъ одержать побѣды надъ милліонной нѣмецкой арміей, но задержать ее онъ сумѣлъ, причинивши ей огромныя потери. Вильгельмъ, вмѣсто того, чтобы нанести молніеносный ударъ Франціи, безнадежно увязъ въ Бельгіи. Небольшія силы бельгійцевъ, защищавшія крѣпость Льежъ, оказали такое мощное сопротивленіе громаднымъ по численности германскимъ войскамъ, что наступленіе нѣмцевъ было задержано на цѣлыхъ пятнадцать дней.

Благодаря этому французскія военныя силы мобилизовались спокойно, имъ на помощь подоспѣли англійскія войска, высаженныя на берегъ европейскаго континента. Французы и англичане сосредоточились и подготовились къ крѣпкому и рѣшительному отпору.

Германская армія, потрепанная подъ Льежемъ, Діестомъ, Тюрльмономъ и Намюромъ, направилась во Францію съ упавшимъ духомъ,—направилась съ боемъ, чтобы встрѣтить на пути свѣжія войска, полныя страстнаго желанія сразиться съ врагомъ, прославившимся пока только звѣрствами. И пока нѣмцы искали путей выбраться изъ столь гибельной для нихъ Бельгіи, приковавшей такъ много ихъ войскъ, французскія войска все смѣлѣе и энергичнѣе вели наступленіе изъ Верхняго Эльзаса. Все это—заслуга бельгійской арміи, оцѣненная по достоинству французами: президентъ Пуанкарэ пожаловалъ особымъ декретомъ медаль Почетнаго Легіона королю Альберту.

Бельгія дѣйствовала на крайней сѣверо-западной границѣ того обширнаго театра войны, на которомъ сошлись европейскія арміи, и задержала первый ударъ Германіи.

На крайнемъ юго-восточномъ углу этого самаго театра войны такую же задачу выполнила Сербія, оказавшая не менѣе героическое сопротивленіе напавшей на нее Австріи.

Оба эти маленькіе народа оказали большую услугу принявшимъ ихъ подъ свою защиту великимъ державамъ. И какъ поучительна ихъ борьба въ эпоху настоящей великой войны!

Достославные подвиги и громадные успѣхи нашихъ доблестныхъ союзницъ Бельгіи и Сербіи являются для насъ знаменательнымъ урокомъ. Ихъ побѣда надъ вражескими полчищами еще и еще разъ подтверждаетъ то положеніе, которое мы должны крѣпко помнить; „на войнѣ три четверти успѣха зависятъ отъ моральныхъ причинъ и только одна четверть—отъ матеріальныхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, что является истинной причиной ихъ героизма? Конечно, не многочисленность или хорошее вооруженіе ихъ войскъ, страшно порѣдѣвшихъ отъ безпрестанныхъ боевъ,—враги были на много и сильнѣе, и численнѣе, и лучше вооружены, и болѣе снабжены всѣми техническими усовершенствованіями военнаго искусства, чѣмъ бельгійцы и сербы... Нѣтъ, не въ этой матеріальной силѣ заключалась надежда на успѣхъ у маленькихъ, но героическихъ народовъ, а въ крѣпости ихъ духа, закаленнаго въ бѣдахъ и испытаніяхъ. Святая любовь къ истерзанной и измученной врагами родинѣ окрыляла на бой Божіихъ воиновъ и придавала имъ несокрушимую мощь въ борьбѣ съ врагомъ. Передъ кичливой непріятельской арміей стояло войско единое и цѣльное, какъ слитокъ чистаго самороднаго золота. Нѣмецъ и австріецъ были горды своею силою, бельгіецъ и сербъ этой силѣ противопоставили свое право, свою вѣру, свою правду—и волны вражескаго наступленія разбивались о гранитъ ихъ доблести. Иначе и не могло быть. Полные благоговѣнія, мы видимъ торжество безсмертнаго духа надъ грубой матеріальной силой.

Французы знали, что нѣмцы имѣютъ надъ ними подавляющее численное превосходство. Вотъ, почему они заняли оборонительное положеніе, давая возможность нѣмцамъ вторгнуться вглубь Франціи. Дѣло дошло съ того, что столица Франціи, Парижъ готовился къ осадѣ. Уничтожались и срывались постройки въ районахъ его фортовъ; военныя власти оффиціально извѣстили населеніе о томъ, что Парижъ скоро долженъ сдѣлаться осью, вокругъ которой будутъ обращаться оперирующія арміи; французское правительство особымъ манифестомъ заявило, что оно

покидаетъ столицу и временно переѣзжаетъ въ Бордо. Но население Парижа осталось вполнѣ спокойнымъ.

Сначала можно было подумать, что начинаетъ сбываться похвальба Вильгельма о томъ, какъ онъ въ самое сердце ранитъ прекрасную Францію.

Но, по старо-русской мудрости, всегда „гнило слово похвальное“, „похвальба живетъ человѣку на пагубу“.

Стремительное наступленіе нѣмцевъ во Франціи вдругъ остановилось. Сначала нѣмецкія газеты не находили словъ, чтобы воспѣть славу побѣдоносному шествію своего воинства и говорили, что нѣмецкіе солдаты обули семимильные сапоги для своего похода на Парижъ, но потомъ восторженнымъ германскимъ публицистамъ пришлось рѣзко перемѣнить свой тонъ, чтобы подготовить общество къ горькому сознанію полнаго крушенія плана кампаніи, который былъ такъ добросовѣстно разработанъ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ.

Не пространствомъ земли, занятой войсками во вражескомъ государствѣ, измѣряется успѣхъ военныхъ дѣйствій, а количествомъ разбитыхъ и приведенныхъ въ боевую негодность непріятельскихъ армій. Если бы нѣмецкое вторженіе во французскіе предѣлы залило своими волнами самый Парижъ, но французское войско оставалось въ цѣлости и находилось въ грозной готовности каждую минуту вступить въ бой, то всѣмъ нѣмецкимъ успѣхамъ—грошъ цѣна, и они ровно ничего не значили бы въ будущемъ. Германскіе стратеги прекрасно учли это обстоятельство; они поняли, что Парижъ для нихъ является ловушкой, которая могла бы сыграть роковую роль для нихъ на завтрашній же день. Извѣстно, что Парижъ представляетъ первоклассную несокрушимую твердыню. Всѣ силы нѣмцевъ при осадѣ растаяли бы у парижскихъ фортовъ, а тѣмъ временемъ на истощенныя полчища тевтоновъ грянули бы свѣжія и бодрыя французскія войска, спокойно выждавшія удобнаго момента для боя. Эту страшную опасность не могли не замѣтить полководцы нѣмецкихъ войскъ, дѣйствовавшихъ во Франціи, и потому-то они вдругъ свернули съ дороги, ведшей прямо подъ форты Парижа, и пустились отыскивать главныя силы французовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, осада Парижа въ прошломъ XIX вѣкѣ имѣла смыслъ только потому, что ей предшествовало пораженіе французовъ при Седанѣ. Французской арміи тогда фактически не существовало, французскій народъ настолько былъ потрясенъ и обезсиленъ постигшимъ его такъ внезапно пораженіемъ, что его сопротивленіе, растерянное и безпорядочное, ничего не могло

измѣнить въ неизбѣжно надвигавшейся на Францію роковой развязкѣ. Но, такъ какъ теперь французамъ судьба болѣе или менѣе благопріятствовала, то они съ легкимъ сердцемъ могли пойти на допущеніе пруссаковъ во французскіе предѣлы, и когда настал̆ъ нужный моментъ, они увѣренно построили свои ряды для генеральнаго боя, который рѣшился въ пользу Франціи. Рокъ уже произнесъ свой приговоръ надъ нѣмцами во Франціи. Уже ясно, что боевое счастье вѣрно служитъ знаменамъ Франціи. Неудача германцевъ очевидна, и очищеніе французской земли отъ непріятельскихъ солдатъ должно совершиться.

Итакъ, мечта Вильгельма о страшномъ разгромѣ Франціи потерпѣла самое безповоротное крушеніе. На западномъ театрѣ войны для кайзера въ лучшемъ случаѣ осталась одна лишь надежда на продолжительную затяжную борьбу съ французскими и англійскими войсками, но Германіи долго воевать по неимѣнію средствъ на борьбу немыслимо. Стало-быть, продолжительность кампаніи таитъ подъ своимъ покровомъ только одно—гибель нѣмцевъ,

Но ясно еще одно: отчаяніе нѣмецкихъ стратеговъ наступило раньше рѣшенія ихъ участи. Они, видя страшныя осложненія на востокѣ, стали перебрасывать туда, къ русскимъ предѣламъ, корпусъ за корпусомъ. Нѣмцы высокомѣрно относились къ русскимъ, оставивши ихъ войска себѣ на закуску послѣ разгрома Франціи. Главныя германскія силы были устремлены во Францію и въ Бельгію. Съ нами же должны были справиться австрійскіе солдаты и лишь часть нѣмецкихъ войскъ. На первую очередь было поставлено вторженіе въ русскіе предѣлы и быстрое завоеваніе всего нашего Царства Польскаго и другихъ прилегающихъ къ Австріи губерній.

Противъ насъ вышла въ поле почти вся австрійская армія, во всякомъ случаѣ, большая и лучшая ея часть. Планъ нападенія на Россію былъ разработанъ задолго до войны и обдуманъ до мельчайшихъ подробностей. Условія мѣстности благопріятствовали австрійцамъ въ высшей степени, и всѣ великолѣпныя естественныя позиціи, которыхъ съ нашей стороны не было, были задолго укрѣплены австрійскими инженерами, представляя собой послѣднее слово военнаго искусства. Ни одной минуты времени не было потеряно нашими врагами; достаточно указать на то, что формально Австрія объявила намъ войну 24 іюля, а наканунѣ—за день—23 іюля, въ русскихъ предѣлахъ у Волочиска, уже гремѣли австрійскіе выстрѣлы, и лошади австрійскихъ разъ-

ѣздовъ топтали русскую землю. Наступленіе вражескихъ войскъ велось бурнымъ натискомъ. Нечего и говорить, что развѣдка австрійцами нашей границы велась Богъ знаетъ за сколько времени до войны, ихъ войска были въ боевой готовности каждую минуту, и все, что только можно было приготовить и учесть въ видахъ грядущаго успѣха, было сдѣлано.

Съ фланга австрійскихъ войскъ началось наводненіе нашихъ предѣловъ австрійскими солдатами, стягивавшимися по направленію къ Люблину. Тутъ австрійцы разсчитывали дѣйствовать рука объ руку съ пруссаками, и ихъ задачей являлось—отбросить наши войска этой линіи къ Брестъ-Литовску. Передовые щупальцы праваго фланга подходили къ Каменецъ-Подольску. Центръ, опиравшійся на Львовъ, считалъ себя въ безопасности, дожидаясь русскихъ войскъ на неприступныхъ, съ австрійской точки зрѣнія, позиціяхъ.

Но съ первыхъ же дней войны оказалось, что для русскаго солдата и небываемое бываетъ. Желѣзные ряды русскихъ войскъ стойко выдержали ударъ и шагъ за шагомъ перешли то тутъ, то тамъ въ наступленіе. Именно тѣ позиціи, на которыя больше всего надѣялись австрійцы, и были избраны русскими солдатами для своего движенія впередъ на врага, какъ завидная добыча. Начались чисто суворовскіе переходы. Каждый шагъ впередъ окупался боемъ. Австрійцы выбивались нами изъ самыхъ укрѣпленныхъ и природой, и человѣческимъ искусствомъ мѣстъ. Это было наступленіе гигантовъ. Понятна поэтому паника среди австрійцевъ, сдававшихся цѣлыми полками, бросавшихъ десятками свои орудія, цѣлые артиллерійскіе парки на своемъ пути позорнаго бѣгства. Лицъ, не свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, удивляла страшная стойкость австрійцевъ передъ русскимъ натискомъ; лицъ, понимающихъ хоть что-нибудь въ искусствѣ войны, поражаетъ то, что русскія войска могли побѣдоносно пройти по неприступнымъ для нихъ мѣстамъ. Взгляните на подробную карту—и вы увидите, что эта мѣстность усѣяна холмами, перерѣзана рѣками и рѣчками—и все это только благопріятствовало австрійцамъ.

Можно преклониться передъ невѣроятнымъ мужествомъ нашихъ чудо-богатырей. Тутъ это мужество граничило бы съ безуміемъ, но ослѣпительный успѣхъ доказываетъ, что храбрымъ Богъ владѣетъ.

Итакъ, съ какой стороны на насъ направленъ былъ *главный* ударъ нашихъ враговъ? Отвѣтъ ясенъ: со стороны *австрійскаго* фронта. Тамъ были противъ насъ сосредоточены самыя

грозныя силы. Основною задачей для насъ былъ разгромъ Австріи. Германія же всѣ свои главныя силы направила на французскій театръ войны, надѣясь, что австрійцы справятся съ нами при помощи второстепенныхъ нѣмецкихъ силъ.

Мы не сдѣлали ошибки, которая могла бы для насъ оказаться роковой, мы не увлеклись борьбой съ Германіей, напротивъ, все свое вниманіе сосредоточили на австрійскомъ фронтѣ. Мощный натискъ русскаго воинства сокрушилъ новыя военныя силы австрійцевъ, а вѣдь противъ насъ вышла почти вся вооруженная Австрія, весь цвѣтъ и вся краса ея войскъ.

Тогда какой смыслъ имѣло наше вторженіе въ Восточную Пруссію? Можетъ-быть, это была лишь никчемная трата силъ и войска? На первый взглядъ, это именно такъ и представляется: на морѣ господствуетъ германскій флотъ, а линія крѣпостей Кенигсбергъ—Маріенбургъ—Грауденцъ — Торнъ несокрушимо запираетъ дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ къ Берлину. Чтобы взять эти крѣпости, надо было употребить огромное количество времени и затратить огромное количество войскъ.

Стало быть, нашъ походъ къ Кенигсбергу въ іюлѣ—августѣ 1914 года имѣлъ характеръ лишь лихого налета, это была лишь великолѣпная демонстрація. Но неужели же она была предпринята безъ цѣли и осталась безплодной?

О, нѣтъ! Эта вылазка была существенно необходима *въ свое время*. Не будемъ говорить о томъ, что вообще всюду очень полезно начинать *успѣхомъ*, а все начало нашей войны съ нѣмцами ознаменовано успѣхами необычайными: достаточно вспомнить славныя побѣды наши при рѣкѣ Роминте и у Грюнвальда. Мы сразу же показали, что мы можемъ бить нѣмцевъ въ ихъ же гнѣздѣ,—и бить весьма успѣшно. Эти наши первыя побѣды дали намъ чудесный запасъ бодрости и оптимизма на все время кампаніи.

Но, помимо моральнаго значенія, наше наступленіе на нѣмцевъ имѣло огромныя для насъ практическія выгоды.

Во-первыхъ, мы задержали наступленіе прусскихъ войскъ въ глубь Царства Польскаго. Нѣмецкіе захваты нашей территоріи такъ и застряли у границы, не распространяясь внутрь и въ глубь.

Во-вторыхъ, этимъ мы обезпечили флангъ нашихъ войскъ, вышедшихъ противъ Австріи, отъ угрожавшаго имъ удара пруссаковъ во время отраженія наступленія австро-германскихъ войскъ на фронтъ Люблинъ—Холмъ.

Въ-третьихъ, мы своимъ нападеніемъ на прусскія земли вызвали панику въ Берлинѣ и понудили германскій генеральный штабъ перевезти часть своихъ войскъ съ западнаго фронта на восточный и тѣмъ самымъ ослабить свои главныя силы. Въ теперешнихъ побѣдахъ англичанъ и французовъ надъ нѣмцами есть капля и нашего меду: это мы облегчили нашимъ союзникамъ трудъ борьбы, оттянувъ на свои *второстепенныя* силы часть нѣмецкихъ *главныхъ* силъ.

Все совершилось какъ по писаному. Нѣмцы заметались въ растерянности, не зная, должно ли имъ идти на помощь къ австрійцамъ или же защищать Восточную Пруссію. Тѣмъ временемъ мы разгромили австрійцевъ и проложили себѣ новый путь въ Германію: вѣдь нужно помнить, что для насъ теперь всѣ дороги должны идти на Берлинъ. Мы и пойдемъ на него путемъ наиболѣе для насъ выгоднымъ и удобнымъ.

На границѣ Восточной Пруссіи наши войска играютъ роль пластыря, который долженъ былъ на себя притягивать нѣмецкія войска, и чѣмъ больше онъ ихъ на себя оттянетъ, чѣмъ дальше онъ ихъ отведетъ, тѣмъ легче будетъ дѣйствовать нашимъ главнымъ силамъ. На восточно-прусскомъ фронтѣ для насъ ни наши успѣхи, ни наши неуспѣхи существеннаго значенія не имѣютъ: тутъ все кстати, лишь бы силы германцевъ распылялись и таяли. Ничего рѣшающаго *здѣсь* мы ждать не должны.

Съ разгромомъ австрійской арміи въ Галиціи, съ пораженіемъ германскихъ войскъ на поляхъ прекрасной Франціи для надменныхъ тевтоновъ приблизился часъ расплаты. Въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, но судьба Германіи должна рѣшиться окончательно, и приговоръ судьбы надъ нѣмцами уже теперь совершенно ясенъ: они будутъ побѣждены.

Весь планъ, такъ хитро задуманный нѣмецкими стратегами, рухнулъ безповоротно и непоправимо. Вотъ горькій урокъ для кичливой самонадѣянности; нельзя строить зданіе своихъ будущихъ дѣйствій на однихъ только самоувѣренныхъ предположеніяхъ. Надо учитывать самое неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, надо предвидѣть самыя худшія и самыя грозныя осложненія,—и тогда только можно пойти на рѣшеніе и приступать къ выполненію своихъ плановъ. Германія свои дѣйствія въ настоящей войнѣ основала на одномъ сплошномъ „авось": авось, Англія сохранитъ нейтралитетъ, авось, Италія станетъ для нѣмцевъ дѣятельною помощницей въ войнѣ, завязанной безъ ея вѣдома и согласія, авось, Бельгія покорится безцеремонному вторженію въ ея предѣлы пруссаковъ и почтительно склонится предъ такимъ

наглымъ нарушеніемъ своихъ правъ, авось, французы будутъ сразу такъ же разгромлены, какъ въ 1870 году, авось, австрійцы наголову разобьютъ русскія войска.

Вотъ, на какихъ зыбучихъ пескахъ воздвигли пруссаки свои розовыя надежды на побѣду. Но налетѣла буря, подули вѣтры, и почва колеблется подъ зданіемъ германскихъ надеждъ, оно скоро совсѣмъ падетъ, и велико будетъ его паденіе...

Пока совершались всѣ эти великія событія въ Европѣ, Германія внѣ европейскаго материка терпѣла страшныя бѣды. Ея лучшая надежда—ея колоніи были безвозвратно для нея потеряны съ самаго же начала войны. Германскій флотъ, запертый могущественнымъ англійскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, не рѣшился даже выйти на открытый бой съ англичанами. Единственно—мелкія суда вродѣ подводныхъ лодокъ повели разбойническую войну нападеніями изъ-за угла. Большія суда Германіи, разсѣянныя по морямъ, были быстро настигнуты англійскими кораблями и уничтожены. Больше трети ея торговаго флота очутилось въ рукахъ непріятеля—словомъ, морское могущество нѣмцевъ оказалось призракомъ, который теперь безпомощно растаялъ въ воздухѣ при столкновеніи съ дѣйствительностью.

Нѣмцы очень разсчитывали, что Японія пойдетъ съ ними рука объ руку противъ Россіи. Но Японія, связанная всѣми своими интересами съ Англіей, сама объявила войну Германіи. Драгоцѣннѣйшимъ своимъ достояніемъ въ Азіи нѣмцы считали крѣпость и гавань Кіао-Чао. Японская армія осадила эту нѣмецкую твердыню въ Азіи и быстро взяла ее, хотя императоръ Вильгельмъ писалъ коменданту Кіао-Чао, что ему было бы болѣе стыдно сдать Кіао-Чао японцамъ, чѣмъ Берлинъ русскимъ.

И въ Африкѣ, и въ Тихомъ океанѣ германскія области были захвачены послѣ непродолжительной борьбы англичанами и французами. Словомъ, то, на чемъ строило свое будущее Германія, теперь уничтожено и сокрушено безвозвратно.

Единственной союзницей Германіи и Австріи оказалась Турція, рѣшившаяся подъ давленіемъ нѣмцевъ выйти на бой. Этимъ самымъ турки рѣшили свою судьбу, не принеся никакой существенной поддержки нѣмцамъ, но осудивши себя на гибель.

Сама же Германія теперь оказалась въ положеніи осажденной крѣпости, вокругъ которой все тѣснѣе стягиваютъ желѣзное свое кольцо осаждающіе. Ея борьба походитъ на вылазки осажденнаго горнизона съ тою лишь разницею, что осажденные

надѣются на помощь, на выручку извнѣ. Германіи же и Австріи помощи ждать неоткуда. Ихъ силы истощаются, ихъ боевые и жизненные припасы приходятъ къ концу, между тѣмъ имъ нужно спѣшить, у нихъ земля горитъ подъ ногами. Никакіе частичные успѣхи не спасутъ нѣмцевъ. Медленно, но вѣрно приближается ихъ конецъ.

Что же руководитъ за послѣднее время нѣмцами въ ихъ бѣшеномъ натискѣ на русскихъ, какая сила понуждаетъ ихъ идти на такія страшныя и, въ концѣ-концовъ, безплодныя жертвы? Да, такая сила есть, это она является истиннымъ полководцемъ нѣмецкихъ армій въ настоящую пору, и имя этой силы—отчаяніе.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, на что могутъ теперь надѣяться нѣмцы? Стиснутые со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ непріятелей, горько обманувшіеся во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, они не видятъ предъ собою хотя бы малѣйшаго просвѣта въ надвигающемся на нихъ суровомъ будущемъ. Уже ясно для всѣхъ, какъ немощна плоть злосчастнаго Гогенцоллерна, а въ этой немощи тѣлесной отражается и слабость его духа, изнемогающаго подъ неудобоносимымъ игомъ сознанія своей отвѣтственности за все безуміе затѣянной имъ войны.

Мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, какое настроеніе царитъ теперь по всей Германіи. Каждая мысль нѣмецкаго обывателя обращена къ войнѣ и только къ войнѣ. Тамъ ложатся спать съ думой о войнѣ, тамъ съ этою же думой встаютъ съ постели, эта дума неотступно стоитъ въ умѣ во время дневного труда, она всецѣло владѣетъ всѣмъ существомъ во время отдыха, она не даетъ покоя и во снѣ, дѣлая его тревожнымъ и безпокойнымъ кошмаромъ. Энтузіазмъ начала войны разсѣялся, какъ дымъ; молніеносные успѣхи оказались невозможными, война неумолимо приняла затяжной характеръ, непріятели отважны и стойки. Миражъ побѣдныхъ реляцій пересталъ обманывать даже дѣтскія головы. Впереди одна тьма неизвѣстности.

Пораженія Германіи начались уже тогда, когда враги не успѣли какъ слѣдуетъ взяться за оружіе. Когда начинаешь перебирать въ памяти всю послѣдовательность нѣмецкихъ неудачъ, то прямо поражаешься, какъ ей не повезло съ самаго начала: Италія хранитъ нейтралитетъ, безвѣстная маленькая Бельгія оказываетъ сверхгеройское сопротивленіе, крушащее всѣ планы тевтоновъ, Англія объявляетъ войну, Японія присоединяется къ своей союзницѣ, революціонное броженіе въ Россіи прекращается,

какъ по мановенію волшебнаго жезла, русскія войска оказываются на высотѣ военной подготовки, французы успѣли мобилизоваться и встрѣтились съ нѣмцами въ полной боевой готовности... Это только наиболѣе яркіе моменты германскихъ разочарованій,—останавливаться ли на подробностяхъ?

Но этого мало. На чемъ основывали всю свою будущность нѣмцы? На своихъ колоніяхъ, съ которыми они носились, которыя они воспѣвали въ своихъ пѣсняхъ, которыя они лелѣяли и холили. Съ самаго же начала военныхъ дѣйствій мечъ войны безпощадно отрѣзалъ колоніи отъ Германіи: что бы ни случилось впереди, но нѣмцамъ больше не вернуться въ былыя свои колоніальныя владѣнія, участь которыхъ рѣшена.

Теперь нѣмцы знаютъ, что та война, на которую они собрались, какъ военный праздникъ, оказалась для нихъ борьбою не на жизнь, а на смерть. Кругомъ нихъ сосредоточилась холодная безпощадная ненависть, которую они сами же посѣяли и выростили своей неслыханной гордыней, своимъ вопіющимъ національнымъ эгоизмомъ. Друзей у нѣмцевъ нѣтъ и не можетъ быть. Имъ не у кого искать не только поддержки и сочувствія, но даже простого состраданія. *Теперь* они знаютъ, что почетнаго мира имъ ждать нечего. Они не жалѣли никого, и ихъ никто не пожалѣетъ. Лозунгъ ихъ непріятелей одинъ: *война до конца*, а это значитъ—*война до полнаго уничтоженія вчерашняго могущества германцевъ.*

Жутко представить себѣ это абсолютное одиночество Германіи. Враги не уступятъ никогда и ни за что; ихъ можно отбросить на время, можно заставить отступить, но они вернутся такіе же холодные, безпощадные, неумолимые. Смягчить ихъ ненависть невозможно, заставить ихъ измѣнить планы относительно будущаго Германіи немыслимо. Бьетъ часъ расплаты, предвѣщающій наступленіе часа горькаго возмездія за все прошлое.

Послѣдняя надежда нѣмцевъ сосредоточивается лишь на томъ, что на обоихъ фронтахъ они занимаютъ непріятельскую территорію. Только на этомъ обстоятельствѣ они и могутъ сосредоточивать всѣ свои виды на завтрашній день, потому что это—единственный и послѣдній козырь въ ихъ игрѣ. На западномъ фронтѣ союзники не торопятся: ихъ задача—сохранить живую боевую силу—свои войска—въ возможно большей цѣлости. Потому они не желаютъ переходить въ рѣшительное наступленіе, требующее большого количества жертвъ. Зато восточный фронтъ внушаетъ самыя серьезныя опасенія: русскіе рѣзко измѣнили свою тактику, которой они придерживались въ японскую кампа-

нію. Они съ рѣдкимъ упорствомъ держатъ инниціативу борьбы въ своихъ рукахъ. Напрасно нѣмцы направляютъ всѣ свои усилія, чтобы отбросить русскихъ подальше отъ своихъ границъ. Русскіе отходятъ только для того, чтобы потомъ вернуться обратно. Русскія арміи остаются попрежнему мощными и несокрушимимы, несмотря на всѣ старанія нѣмцевъ ихъ сокрушить въ конецъ. Мы не торопимся, мы бережемъ свои силы, но ясно, что мы непрестанно преслѣдуемъ одну цѣль. Для германцевъ очевидно, что русскіе задались цѣлью перенести всѣ ужасы войны на германскую территорію.

Но вѣдь это же конецъ для нѣмцевъ. Ихъ крѣпости? Стратегія ясно говоритъ, что нѣтъ такой крѣпости, которая не сдалась бы осаждающему. А разореніе страны, а паника народонаселенія,—все это неизбѣжно, когда волны военныхъ опасностей и тревогъ зальютъ собою цвѣтущія и плодоносныя поля Познани и Силезіи. Но самое главное—это то, что германскимъ войскамъ придется уже безповоротно перейти къ оборонѣ, то-есть обречь себя на пассивную роль. Послѣдній призракъ возможности успѣха въ этомъ случаѣ безпомощно растаетъ въ воздухѣ. Тогда окончательно надъ Германіей развернетъ свои черныя крылья безпросвѣтная ночь пораженія.

Все это намъ должно помнить неотступно. Противъ насъ враги, бьющіеся не на жизнь, а на смерть. Побѣда надъ ними требуетъ отъ насъ гигантскихъ жертвъ. И, тѣмъ не менѣе, все преимущество на нашей сторонѣ. Наша сила покоится на твердомъ убѣжденіи—*Германіи нѣтъ спасенія.*

Она одинока, мы окружены могущественными союзниками, сражающимися съ нами рука объ руку. Она стянута желѣзнымъ кольцомъ направленныхъ противъ нея штыковъ. Мы свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. За нашими войсками безграничное пространство, по которому мы можемъ въ случаѣ неудачъ отступать безъ конца, ихъ солдаты задыхаются въ тѣсномъ пространствѣ нѣмецкихъ владѣній, откуда имъ нѣтъ выхода, нѣтъ возможности для отступленія. Наши рессурсы неисчерпаемы, у нихъ всѣ средства быстро будутъ истощены, и на всю ихъ страну неумолимо надвигается голодъ. Поэтому-то для нихъ нѣтъ времени впереди, а у насъ времени слишкомъ достаточно, и если мы пойдемъ на медленную войну, если мы захотимъ ихъ взять измором, то—что имъ останется дѣлать и на что они смогутъ пойти, какъ не на самоубійство? Но, что самое главное, мы бьемся за правое дѣло, за нашими войсками слышатся отовсюду посылаемые имъ вслѣдъ горячіе привѣты и добрыя пожеланія, молитвы

и благословенія сопровождаютъ каждый шагъ русскаго солдата; а надъ Германіей нависло всеобщее презрѣніе, всеобщая ненависть, всеобщее проклятіе. Наша побѣда—побѣда свѣта, побѣда правды надъ силами зла и мрака. Одно это сознаніе возвышенной цѣли нашей борьбы должно придать нашему оружію мощь несокрушимую.

VIII.

Спокойствіе и достоинство...

Эти прекрасныя слова Государя Императора должны стать теперь нашимъ лозунгомъ. Пусть они будутъ приняты каждымъ изъ насъ и къ свѣдѣнію, и къ руководству на все время борьбы и испытаній. Нашъ новый лозунгъ, конечно, стоитъ выше пресловутаго „терпѣнія“, провозглашеннаго генераломъ Куропаткинымъ.

Терпѣніе, разумѣется, прекрасная добродѣтель. Безъ терпѣнія далеко не уѣдешь; можетъ-быть,—пожалуй, даже навѣрно, конечная неудача японской кампаніи явилась слѣдствіемъ того, что нашего терпѣнія не хватило, и мы слишкомъ поторопились съ окончаніемъ войны.

Спокойствіе — доблесть мужей. Въ спокойствіи находитъ лучшее свое отраженіе зрѣлость человѣка. Не съ тупой покорностью животнаго подъ ярмомъ смотритъ онъ на окружающую его дѣйствительность, но съ полной ясностью мысли разбирается въ ней и судитъ о своемъ къ ней отношеніи. Съ открытыми глазами смотритъ онъ на опасности и учитываетъ ихъ и старается преодолѣть ихъ по мѣрѣ возможности. Спокойствіе исполнено сознательности. Спокойствіе зиждется на вѣрѣ въ себя и въ свое дѣло.

Да, передъ лицомъ великой міровой войны свое спокойствіе духа мы должны хранить до самаго конца. Самые страшные наши враги—это малодушіе и уныніе. Родная дочь этихъ двухъ чувствъ—паника. Гдѣ же рождается паника, тамъ гибнетъ дѣло. Поэтому спокойно будемъ смотрѣть въ лицо испытаніямъ. Спаси насъ Богъ слишкомъ низко оцѣнивать силы нашихъ непріятелей. Мы должны твердо врѣзать въ свое сердце убѣжденіе, что враги идутъ на насъ не съ пустыми руками: нѣмцы—народъ тяжелый на рѣшеніе, и разъ они на что-нибудь пошли, то, стало-быть, у нихъ есть данныя, на которыхъ они строятъ свою надежду на успѣхъ. Мы боремся съ достойными противниками, и, конечно, развертывающаяся борьба подаритъ насъ многими неожиданностями и многими разочарованіями. Надо быть готовымъ

ко всему, и эта готовность будетъ наилучшимъ нашимъ путемъ къ удачамъ и побѣдамъ.

Противъ германскаго натиска у насъ есть драгоцѣннѣйшій союзникъ—это *время*. Намъ спѣшить некуда, завтрашній день всецѣло принадлежитъ намъ. Нѣмцы этимъ похвастать не могутъ: для нихъ каждая пропущенная даромъ минута равняется пораженію въ самомъ кровопролитномъ сраженіи. Германія и Австрія изолированы и заперты, какъ въ ловушкѣ. На нихъ неумолимо надвигается голодъ. Съ такимъ противникомъ спорить невозможно. Къ тому же день ихъ бездѣйствія даетъ силы ихъ врагамъ, собирающимся, соединяющимся, становящимся въ строй. Если утренняя газета не принесетъ съ собою извѣстій о рѣшительныхъ выступленіяхъ германскихъ войскъ, знайте, что нѣмцы еще на шагъ подошли къ своей гибели. Нѣтъ молніеносныхъ успѣховъ у нѣмцевъ—значитъ, съ громомъ рушатся одна за другою ихъ надежды на побѣду.

Стоитъ немного приглядѣться, чтобы придти къ убѣжденію, что у нѣмцевъ спокойствія нѣтъ, что у нихъ нѣтъ увѣренности въ себѣ. Передъ опасностью они растерялись и сбросили съ себя личину культурныхъ людей, показавши себя всему свѣту грубыми озвѣрѣвшими дикарями. Ихъ издѣвательства надъ беззащитными, ихъ насиліе надъ женщинами и дѣтьми—ясное доказательство, что душевное ихъ равновѣсіе потеряно, и что подъ обличьемъ „тевтонской ярости“ таится страшная, исполненная смертной тоски тревога за завтрашній день. Вторгаясь во враждебныя области, нѣмецкіе солдаты держатся тактики запугиванья:—о, кто запугиваетъ другихъ, тотъ самъ въ душѣ боится и трепещетъ! Побѣдитель, вѣрящій въ себя и въ правоту своего дѣла, радъ выказать свое великодушіе: затравленный звѣрь бросается на всѣхъ, на кого ни попало, онъ рычитъ и грызетъ подъ собою землю, видя, что его прижали въ уголъ. Тотъ, кто ведетъ систему террора, тѣмъ самымъ косвенно признаетъ свое отчаяніе въ честномъ успѣхѣ.

Итакъ, спокойно будемъ ждать конца. Начало войны принесло намъ съ собою хорошее сознаніе, что мы выше, что мы лучше нашихъ враговъ: мы знаемъ, что мы неспособны на ту дикость и звѣрство, которыя такъ откровенно и цинично развернули передъ міромъ нѣмцы. Дай Богъ это сознаніе довести до конца.

Но главное: не унижая нашихъ враговъ, не будемъ унижать и самихъ себя. Берегитесь самооплеванія! Нытье и хныканье о нашей отсталости, о нашей неподготовленности, о превосходствѣ нашихъ враговъ надъ нами—самый страшный смертный грѣхъ!

Кто будетъ угашать духъ въ русскихъ людяхъ такими толками,— тотъ *измѣнникъ*, тотъ преступникъ, съ которымъ должно поступить по всей строгости закона. Люди идутъ на смерть съ полной готовностью, охваченные святымъ порывомъ, а имъ вслѣдъ твердятъ: „русскіе люди—дрянь, изъ русскихъ никогда ничего не выйдетъ!“ Кто говоритъ что-нибудь подобное—или негодяй, или глупецъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ вреденъ, и приносимый имъ вредъ долженъ быть искорененъ въ самомъ началѣ.

Нѣтъ, пусть чувство собственнаго достоинства подскажетъ каждому изъ насъ, какъ надо держать себя—и въ счастьи, и въ несчастьи, и въ горѣ, и въ радости.

Наша война—*святая* война. Мы подняли мечъ за попранную справедливость и за поруганную правду; мы бьемся за сирыхъ и обиженныхъ. Кто осмѣлится въ *такомъ* дѣлѣ преждевременно выпустить изъ рукъ оружіе, тотъ преступникъ передъ Господомъ. Мы несемъ великое послушаніе и отъ него отказаться мы не смѣемъ, иначе надъ нами отяготѣетъ проклятіе грядущихъ поколѣній.

Именно теперь настала пора завершить вѣковыя задачи Россіи. Будущее Россіи, какъ раскаленное желѣзо, сейчасъ лежитъ на наковальнѣ, самъ Господь теперь вложилъ молотъ въ руки русскому народу, и Боже спаси насъ пропустить моментъ, чтобы желѣзо не остыло. Нѣтъ, пусть гремятъ удары! Во имя счастья нашихъ дѣтей, во имя свѣтлой жизни нашей родины, во имя славы и величія Россіи пусть бодрѣе совершается нашъ трудъ, дѣло великаго пота и великой крови. Голосъ Державнаго Вождя призываетъ насъ *достигнуть осуществленія завѣщанныхъ намъ предками задачъ*. Неужели же мы посмѣемъ опустить наши руки?

Мы боремся за правое дѣло: пусть же намъ Богъ пошлетъ силъ быть всегда и во всемъ *достойными* нашего великаго призванія, стоять *на высотѣ* нашего дѣла и нашего долга. Пусть все мелочное и пошлое, низкое и презрѣнное въ насъ исчезнетъ, разсѣется, сгинетъ хотя бы на это время, чтобы наши потомки, читая исторію нашихъ дней, могли гордиться нами и ставить насъ въ примѣръ другъ другу. Да будутъ вѣрными спутницами нашими въ эти тяжкіе дни—наша слава и наша честь.

Дадимъ же слово свято блюсти провозглашенный нашимъ Державнымъ Вождемъ этотъ свѣтлый и прекрасный лозунгъ:

„Достоинство и спокойствіе!“

КОНЕЦЪ.

3. *Его же*—Значеніе Романовскаго періода въ Русской исторіи, ц. 20 к. 4. *Кедровъ Н. И.*—Преп. Сергій Радонеж. и основанн. имъ Троице-Сергіева Лавра, съ 12 картин., ц. 30 к. 5. *Дмитріева Д. С.*—Святѣйшій Іовъ, первый патріархъ на Руси, ц. 8 к. 6. *Его же*—Патр. Гермогенъ, ц. 10 коп. 7. *Его же*—Святитель Іоасафъ Бѣлгородскій, ц. 10 к. 8. *Дороѳеева В. П.*—Большой Успенскій соборъ въ Москвѣ (опис. и исторія), съ 25 карт., ц. 40 к. 9. *Кн. Щербатова А. Г.*—О значеніи русско-япон. войны, ц. 15 к.

VI. **Всеобщая исторія.** 1. *Истомина В. А.*—Исторія зап. и южн. славянъ, съ 60 картин., 5 картами и таблицей Ягича, ц. 75 к. 2. *Его же*—Очеркъ парламентаризма въ Англіи, въ связи съ причинами, обусловл. міров. преобл. Британск. королевства среди др. госуд., ц. 40 коп. 3. *Его же*—Жанна д'Аркъ—національная героиня Франціи, изъ чтеній по всеобщ. истор., ц. 25 к. 4. *Его же*—Китай и китайцы въ ихъ прошломъ и настоящемъ, ц. 40 к. 5. *Свящ. Попова Н. Г. проф.*—Заслуги Византіи предъ Европой, съ 58 рис. и 5 застав., ц. 40 к.

VII. **Географія Россіи.** *Хитрова В. И.*, вып. 1-й: Сѣверн. край, съ 34 картин., ц. 35 к., вып. 2-й: Финляндія, Озерный край, Прибалт. край, съ 42 картин., ц. 50 к. **Географія Москвы.** Вып. 1-й: *Маркова Г. Ф.* Съ рисунками, цѣна 15 коп. **Географія Москвы.** *Его же.* Вып. 2-й, ц. 25 к. *Его же*—Географія Сибири, съ 164 рис., ц. 50 к.

VIII. **Народная словесность и художественная литература.** * 1. *Барсова Е. В.*—О русск. народн. пѣснопѣніяхъ, ц. 40 к. 2. *Его же*—Слово о полку Игоревѣ, ц. 25 к. * 3. *Свящ. Любимова Н. А.*—Русск. народн. литер. въ ея постепенн. развитіи подъ вліян. христ-ва, ц. 50 к. 4. *Назаревскаго Б. В.*—Русск. народ. сказки, ц. 40 к. 5. *Его же*—А. С. Пушкинъ, какъ русскій національн. поэтъ, съ 45 рис., ц. 75 к. 6. *Его же*—Н. В. Гоголь, съ 26 рис., ц. 40 коп. 7. *Его же*—Николай Васильевичъ Гоголь. По поводу столѣтія со дня рожденія, 20 марта 1809 г.—20 марта 1909 года, съ 12 рис., ц. 15 к. 8. *Его же*—Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, его жизнь и произведенія, ц. 30 к. 9. *Его же*—Великорусскія народныя пѣсни, ц. 50 к. 10. * *Дмитріева Д. С.*—Никто, какъ Богъ, пасхал. разсказъ для дѣтей, ц. 5 к.

IX. **Русское искусство.** 1. *Новицкаго А. П.*—Город. галлерея П. и С. Третьяковыхъ (общ. обз. галл.), ц. 50 к. 2. *Успенскаго А. И.*—В. М. Васнецовъ, съ мн. иллюстр., ц. 1 руб., на краш. бумагѣ—1 р. 50 к.

X. **Естественно-научный отдѣлъ.** 1. * *Тихомирова А. А.*—Умъ и воля животныхъ, съ 20 карт., ц. 40 к. 2. * *Его же*—Дикіе люди, съ 28 карт., ц. 50 к. *Его же*—Полож. челов. въ природѣ, съ 22 рис., ц. 30 к. 4. *Его же*—Происхожд. жив. существ., съ 31 рис., ц. 40 к. 5. *Его же*—Размн. жив. существъ, съ 36 рис., ц. 40 к. *Его же*—Вина науки (спинозизмъ и дарвинизмъ), ц. 15 к. 6. *Его же*—Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ, ц. 20 коп. 7. *Его же*—Созданіе жизни на землѣ, ц. 20 к. 8. *Россинскаго Д. М.*—Откуда берется шелкъ?, съ мног. иллюстр., ц. 70 к.

XI. **Гигіена.** 1. *Д-ра Авситидійскаго И. І.*—Холера и мѣры борьбы съ нею, 28 стр., ц. 15 к. 2. *Д-ра Карасева И. Н.*—Первая помощь въ несчастн. случаяхъ до прибыт. врача (примѣн. къ заводско-фабр., крестьянск. и военно-полевому быту), 124 стр., съ 72 рис. въ текстѣ и 1 табл. анатомич. рисунковъ въ краскахъ, ц. 65 к. 3. *Его же*—Азіат. холера и санитарн. мѣры для борьбы съ нею, 30 стр., съ 2 рис. въ текстѣ, ц. 10 к. 4. *Его же*—Бесѣды врача, цѣна 10 к. 5. *Д-ра Никулина В. В.*—„Туберкулезъ и мѣры борьбы противъ него", ц. 15 к. 6. *Д-ра Приклонскаго И. И.*—Гигіена одежды, ц. 10 к.

XII. **Техническій отдѣлъ.** *Звягинскаго Я. Я.*—Машины, уходъ за ними и приспособленія для предупрежд. несчастн. случаевъ при обращ. съ машин. установками, ц. 40 к.

XIII. **Политико-экономическій отдѣлъ.** * 1. *Высокопр. Владиміра*, митр. Моск. и Кол.—„Къ богатымъ и бѣднымъ", ц. 5 к. 2. * *Его же*—„О трудѣ и собственности", ц. 5 к. 3. *Его же*—„Работа въ свѣтѣ матеріализма и христіанства", ц. 5 к. 4. *Его же*—„О рабочемъ вопросѣ", ц. 5 к. 5. * *Его же*—„Соціальная задача семьи", ц. 5 коп. 6. *Его же*—„Бесѣда І. Хр. съ Никодимомъ" (прот. соц.-дем.), ц. 5 коп. 7. *Розанова Н. П.*—„Соціально-экономич. жизнь и Евангеліе", 37 стр., ц. 15 к. 8. *Кн. Щербатова А. Г.*—„Способы увеличить производительность крестьянскаго хозяйства", ц. 10 к. 9. *Воронова Л. Н.*—„Ложный путь", ц. 5 к. 10. *Его же*—„Самодѣятельность рабочихъ", ц. 20 к. 11. *Его же*—„Государств. страхов. трудящихся", ц. 15 к. 12. *Его же*—„Русскій государственный бюджетъ", ц. 10 к. 13. *Его же*—„Крестьянская реформа", ц. 35 к. 14. *Его же*—„Земля и фабрика". 15. * *Прот. Восторгова І. І.*—„Христіанство

и соціализмъ", 108 стр., ц. 35 к. 16. *Никитина Е. А.*—„Христіанская благотворительность", ц. 15 к. 17. *Мененіуса*—„Цѣли, пути и исходъ соціалъ-демократіи", перев. съ нѣмецк., ц. 10 к. 18. *Лемана П.*—„Будущій соціалъ-демократ. строй", перев. съ нѣмецк., отрывокъ, ц. 6 к. 19. „Будущее равенство", съ англ., ц. 10 к. 20. *Д-ра Кэзера Э.*—„Соціал. рай, какимъ онъ будетъ въ дѣйствит.", съ нѣмецк., ц. 8 к. 21. * *Тихомирова Л. А.*—„Гражданинъ пролетарій". * 22. *Его же*—„Заслуги и ошибки соціализма". * 23. *Его же*—„Плоды пролетарской идеи".

XIV. **Юридическій отдѣлъ.** 1. *Самоквасова Д. Я.*, заслужен. проф.—Право и Государство, ц. 10 коп. 2. *Его же*—Верховн. Самодерж. Власть Русск. Государей и Основн. Законы Россійск. Имперіи, ц. 20 к. 3. *Тарасовъ И. Т.*, проф.—Страхованіе расходовъ, ц. 5 к. 4. *Никитина Е. А.*—Государство и рабочій вопросъ, ц. 10 к. 5. *Кн. Щербатова А. Г.*—Приходъ и его знач. въ государств. строѣ, ц. 10 коп. 6. *Вернера И. И.*—Краткій очеркъ исторіи русскаго права, вып. 1-й, ц. 50 к.

XV. **Музыкальный отдѣлъ.** *Ильинскаго А. А.*—М. И. Глинка, его жизнь и музык. произведенія, ц. 25 к.

XVI. **Великая война 1914—1915 гг.** *Никитина Е. А.*—„Война и духовное возрожденіе Россіи", ц. 15 к. *Свящ. Богословскаго С. Д.*—„Война и христіанство", ц. 35 к. *Истомина В. А.*—„Великая война, ея особенности и значеніе", ц. 40 к. *Тихомирова А. А.*—„Настоящая война и взглядъ на природу человѣка", ц. 25 коп.

Отчеты Комиссіи съ прилож. каталоговъ свѣтов. картинъ, составленные секретаремъ Комиссіи *М. Струженцовымъ*, за 1902—3 уч. гг., ц. 40 коп., за 1903—4 гг., ц. 60 к., за 1904—5 гг., ц. 60 к., за 1905—6 гг., ц. 50 коп. Книга: „Заключительныя чтенія 3 іюня 1907 г. по поводу перваго пятилѣтія дѣятельн. Комиссіи", съ отчетными свѣдѣніями за 1906—7 уч. гг. и каталогами свѣтовыхъ картинъ, ц. 60 коп. Отчетъ за 1907—8 уч. гг., съ прилож. каталог. свѣт. карт., ц. 40 к. Отчетъ за 1908—9 уч. гг., съ прил. катал. свѣт. карт., ц. 40 к. Отчетъ за 1909—10 уч. гг., съ прилож. программъ лекцій-концертовъ за 1907—1910 уч. гг., ц. 40 к. Отчетъ за 1910—1911 уч. гг., съ прил. программъ лекцій-концертовъ за 1910—1911 гг., ц. 40 к. Отчетъ за 1911—1912 уч. гг., съ приложен. прогр. лекцій-концерт. и каталоговъ свѣтов. карт. за 1911—12 уч. гг., ц. 40 к. Книга: „Десятилѣтіе общеобраз. чтен. для фабр.-зав. рабоч. г. Москвы" *М. И. Струженцова*, 187 стр., ц. 1 р. Отчеты Комиссіи за 1912—1913 и 1913—1914 уч. гг. по 40 коп.

Каталогъ свѣтовыхъ картинъ за 1902—1910 годы, ц. 1 р. Дополненіе къ каталогу свѣтовыхъ картинъ за 1902—1910 гг. Вторая половина 1910—1911 гг., ц. 30 к. Дополненія за слѣд. гг. по 20 к.

Вышепоименованныя изданія можно пріобрѣтать чрезъ посредство книжныхъ магазиновъ и непосредственно изъ склада Комиссіи (Долгоруковская улица, д. 25). Выписывающіе изъ склада Комиссіи пользуются скидкой отъ 10 до 30% въ зависим. отъ количества пріобрѣтаемыхъ книгъ и брошюръ, но оплачиваютъ стоимость пересылки по вѣсу и разстоянію. Въ Петроградѣ означенн. изданія продаются у И. Л. Тузова (Гостинный, 45), Вѣра и Знаніе (Невскій, 119).

Большая часть чтеній по догмат. богословію были представляемы для отзыва въ Учен. Комит. Нар. Просвѣщ., и Особ. Отдѣломъ означ. Комит., въ связи съ отзывомъ о нихъ Учил. Сов. при Св. Синодѣ, признаны пригодн. для ученич. библіот. низш. учил., и для чтенія въ народн. аудиторіяхъ. Пригодными для тѣхъ же цѣлей признаны и чтенія по русск. исторіи В. В. Назаревскаго. Учил. Сов. при Св. Синодѣ одобрилъ брошюр. В. А. Истомина „Жизнь Жанны д'Аркъ" для библіот. церк.-учит. второкласс. школъ, чтенія по русской исторіи—для библіотекъ церк.-прих. школъ, а Главн. Штабъ—для обращ. въ войскахъ. Чтенія о русск. народн. сказкахъ Б. В. Назаревскаго Учен. Комитетомъ М. Н. П. допущены для обращ. въ безплатн. народн. читальняхъ и библіот. низш. и средн. школъ. Тѣмъ же Учен. Комитетомъ М. Н. П. чтенія В. А. Истомина „Изъ ист. зап. и южныхъ славянъ" признаны пригодными для ученич. библ. средн. и низш. учебн. завед. и брошюра А. А. Тихомирова „Объ умѣ и волѣ животныхъ"—для безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.

